

Обманутый и оскорбленный

Автор:

Александр Ярославцев

Обманутый и оскорбленный

Александр Ярославцев

Военная боевая фантастикаГраф Ардатов #1

Вступив в войну с турками, император Николай Павлович был подло обманут и предан своими соратниками по Священному союзу. Под их давлением он отказался от похода на Константинополь, обесценив славную победу русского флота под Синопом. Россия очутилась на пороге войны с объединенной Европой, и в рядах защитников родины оказался граф Ардатов, личный посланник государя императора, наделенный особыми полномочиями.

Александр Ярославцев

Обманутый и оскорбленный

© А. Ярославцев, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Русско-турецкая война 1853–1856 годов, известная в мировой истории как Восточная или Крымская, должна была быть победным завершением тридцатилетнего правления императора Николая I. Долгие годы своей жизни, не

жалая сил и средств, он кропотливо трудился во благо России и своих подданных. Подавленный в зародыше мятеж декабристов предотвратил возможность возникновения страшной гражданской войны, а быстрый разгром восстания польской шляхты сохранил неизменность западных границ империи к великому огорчению «просвещенных» европейцев. Успешные войны с турками и персами переместили пределы империи к водам Дуная и присоединили к владениям русской державы каспийское Закавказье.

Искренно веря, что союзники по Священному союзу будут помнить добром оказанную им в трудный час помощь, Николай принял активное участие в подавлении венгерского мятежа в землях Австрийской империи и не допустил падение прусского престола в лихие времена революционных событий в немецком королевстве.

Взяв на себя покровительство над христианскими народами, находящимися под властью турецкого султана, Николай послал к берегам Пелопоннеса русский флот на помощь восставшим против гнета османов грекам. Здесь, в знаменитом Наваринском бою, русские моряки совместно с моряками из Англии и Франции уничтожили превосходивший их по численности флот султана.

Главный герой сражения, открывшего Греции дорогу к независимости, капитан линейного корабля «Азов» Михаил Лазарев был удостоен высоких орденов трех стран и звания контр-адмирала. В отличие от него, командир британского флота адмирал Кордингтон получил от своего монарха командорский крест Бани, вместе с пожеланием повеситься на орденской ленте. Подобные оценки данного события появились из-за того, что Британия не желала сильного ослабления военного потенциала Турции и усиления России на Балканах.

Уничтожение османского флота при Наварине, впрочем, нисколько не помешало владыке Стамбула через несколько лет обратиться к русскому императору за военной помощью. Тогда к берегам Босфора стремительно приближались войска мятежного Мухаммеда Али, паши Египта, решившего отобрать у повелителя правоверных его азиатские владения. Положение было критическим. Войск для защиты столицы у султана не было, и положение спас Черноморский флот под командованием вице-адмирала Лазарева. Могучие орудия его кораблей и штыки русского десанта генерала Муравьева, высаженного под древними стенами Царьграда, быстро охладили пыл мятежников и заставили их просить мира у султана.

За свое спасение Махмуд II был вынужден подписать конвенцию, позволяющую России контролировать черноморские проливы совместно с Турцией. Отныне ни один корабль третьих стран не мог войти в воды Черного моря без согласия Петербурга. Одновременно с этим дунайским княжествам Валахии и Молдавии была дарована полная автономия. С их земель полностью удалялись турецкая армия и администрация. По мнению императора, это был лучший вариант разрешения «восточного вопроса», с полным соблюдением целостности границ. Однако с этим была категорически не согласна Британия. Знаменитый русофоб лорд Пальмерстон произнес злобную речь в парламенте, поздравив просвещенную Англию с переименованием Черного моря в Русское. Лондон кипел злобой, подобно вулкану Везувий, но ничего сделать не мог. Пока.

Как только на турецкий престол вступил сын умершего султана Махмуда Абдул-Меджид, ничем не обязанный Николаю, англичане развили бурную деятельность и добились успехов. С помощью взяток, лести и лжи о европеизации Турции английский посол стал главным советчиком правителя Стамбула. И закономерным результатом этого стал отзыв Турцией своей подписи в конвенции по проливам.

Николай стойко перенес действия англичан, поскольку с подобным «британским хамством» сталкивался не впервые. Россия не стала угрожать вторжением на Босфор, хотя Черноморский флот был готов произвести десантирование. Петербург оставил за собой право ответного хода, но не торопился им воспользоваться.

Только обострение в религиозном споре о «святых местах» и отказ турок признавать за Николаем право покровителя всех турецких христиан заставили императора прибегнуть к силе оружия.

Вводя свою армию на территорию дунайских княжеств и угрожая вторжением в Болгарию, Россия намеревалась принудить Стамбул возродить двухсторонний контроль над проливами. В случае если Турция ответила бы отказом, то тогда Петербург объявил бы войну. Она должна была бы принести не только русский контроль над проливами, но и свободу народам Болгарии и Сербии, Греции и Армении, веками томящимся под османским игом.

Захват Стамбула и обретение контроля над проливами Босфор и Дарданеллы открыли бы русскому флоту свободный выход в Средиземное море, с главной базой на острове Корфу. Случись все это так, как задумывал Николай Павлович,

то вслед за своим пращуром Петром и бабкой Екатериной нынешний император еще при жизни удостоился бы звания «Великий». Тогда поэты и писатели сладкоголосыми птицами Сириин восхваляли бы величие деяний императора, и российская интеллигенция назвала бы его правление эталоном всех времен и народов. А миллионы благодарных христиан славили бы явление своего великого освободителя, спасшего христианские народы от басурманской неволи и сохранившего жизнь их потомков.

Что и говорить, замыслы и намерения царя были прекрасными, но, к огромному разочарованию русского общества, ничего этого реализовать не удалось. Находясь в шаге от реализации своих сокровенных планов, русский император был коварно предан монархами Австрии и Пруссии, чьи престолы удержались благодаря русскому штыку.

Вместо ожидаемой дипломатической поддержки своих действий на Балканах Николай I получил подлый удар в спину в виде угрозы незамедлительного начала боевых действий в случае вторжения русских войск на земли Османской империи.

Одновременно с этим против России выступила европейская военная коалиция в лице Англии и Франции, главных вершителей мировой политики того времени. По своей сути это был мощный антирусский союз Европы, своеобразный исторический предшественник Антанты, к которому присоединились Турция и Сардинское королевство.

У военного союза были свои серьезные и далеко идущие планы в отношении России. Провозглашая на словах защиту интересов Турции от происков русского монарха, на деле англичане и французы собирались провести ревизию итогов Отечественной войны 1812 года. Нанеся военное поражение Николаю, они намеревались оторвать от страны огромные земли на западе, востоке, юге и севере. Англичане и французы хотели раз и навсегда заколотить прорубленные Петром и Екатериной окна в Европу, попутно уничтожив русские флоты на Балтике и Черном море.

Имея временное преимущество в паровом флоте и стрелковом вооружении, они стремились как можно быстрее нанести поражение России, пока она не успела ликвидировать свое техническое отставание от Европы в военном деле. Разбогатев от беспощадной эксплуатации своих колоний, британский лев и французский тигр намеривались самостоятельно разделить наследство

«смертельно больной империи», как называли европейские дипломаты Турцию.

Древние мудрецы справедливо говорили, что у победы бывает множество родителей, и только поражение является горьким сиротой. Крымская война в точности подтвердила это неписаное правило. Главным виновником военных неудач был объявлен император Николай, хотя по сути дела он сам оказался жертвой коварного заговора просвещенной Европы.

Делая ставку на благородство спасенных соседей, император произвел неверный политический вывод, разрушивший все его планы. Но если в той ошибке отчасти можно винить дипломатов во главе с австрофилом Нессельроде, то фатальную точку в этом деле поставили военные разведчики.

К огромному сожалению, когда царь принял решение о начале войны, уже не было в живых недремлющего «ока государева», графа Бенкендорфа. Будучи шефом жандармского корпуса и начальником III отделения канцелярии, он не только следил за внутренним положением страны, но и вел активную разведывательную деятельность в столицах возможных противников России.

Пока Александр Христофорович держал руку на пульсе разведки, из-за кордона государю поступала вполне достоверная информация, но после смерти Бенкендорфа положение изменилось. Сменивший его Орлов не столь ревностно болел за порученное ему дело, что неизменно сказывалось на качестве работы зарубежной резидентуры. Так, в момент принятия окончательного решения о начале войны против Турции, Николай получал от военного атташе во Франции откровенную дезинформацию. Парижский резидент регулярно докладывал государю о неготовности французской армии и флота к вооруженному конфликту с Россией, а также об отсутствии предпосылок военного союза Парижа и Лондона.

Согласно этим донесениям, Петербург мог спокойно воевать против Турции, не опасаясь контрдействий со стороны Парижа и Лондона минимум полгода. Столько времени, согласно заверениям парижского резидента, было необходимо французскому императору для мобилизации своих войск и отправки их морем на Балканы. А без сильного континентального союзника Англия никогда бы не решилась воевать с Россией в оди ночку.

Убаюканный этой ложью Николай уверенно планировал высадить десант под Стамбулом и заблокировать черноморские проливы до появления на Босфоре эскадры противника. А в это время по тайному приказу императора Наполеона III отборные дивизии французской армии уже выдвигались к Марселю, где их ждал готовый к выходу в море флот.

Увы, таковы были жестокие реалии того предвоенного времени, которые по своей совокупности и увенчали императорское чело вместо ожидаемого лаврового венка победителя терновым венцом страдальца. Впереди его ждали презрение и несправедливый суд российского общества, которое отшатнулось от своего императора, едва настали трудные времена испытаний. Мгновенно позабыв все прежние благие дела и свершения императора, оно с воодушевлением принялось обливать его всевозможной грязью. Каких только низких эпитетов и скверных пороков не получил Николай Павлович от своих неблагодарных подданных! Еще вчера всеми любимый и почитаемый, сегодня он стал кровавым жандармом, душителем свободы, тупым солдафоном, бездарным правителем, приведшим страну к полному краху. Государь мужественно испил эту чашу позора, который и ускорил его уход из жизни.

Сменивший на престоле отца Александр поспешил завершить непопулярную в верхах войну, хотя положение противника в Крыму было далеко не блестящим. Весь план войны коалиции был сорван мужеством и храбростью защитников Севастополя. В руках неприятеля была только южная часть крепости, и для расширения успеха нужно было штурмовать северную половину Севастополя. Этого французский император делать не собирался, ввиду больших потерь своего войска. Назревал кризис и развал коалиции, от которого ее спасли мирные переговоры.

Все это будет в самом скором времени, а пока светские либералы и записные вольнодумцы, затаив дыхание, трепетно ждут скорейшего разрешения «восточного вопроса». Пишут патриотические стихи и воззвания, ждут скорого освобождения братьев-славян из турецкой неволи и возвращения православного креста на купол Святой Софии.

Итак, февраль 1853 года.

Часть первая

Глава I

Как все начиналось

Тайные планы

Февраль шестнадцатого года правления на английском престоле королевы Виктории Ганноверской преподнес жителям Лондона губительный подарок от госпожи Зимы. Могучие северные ветра на долгое время принесли в столицу Британской империи холодное дыхание далекой Гренландии, ставшее фатальным для многих горожан. Тонкие ледяные пальцы невидимой снежной королевы неудержимо проникали в дома лондонцев, принося вместе с собой промозглый холод и обжигающую стужу.

Единственным оружием, с помощью которого можно было успешно противостоять действию ужасного врага, были дрова и уголь. Порожденный ими огонь надежно охранял людей от смертельных чар незваной гостьи, но не все обитатели метрополии обладали этим чудесным средством в нужной мере. У большинства лондонцев запасы топлива были уже на исходе, и они безмерно страдали от холодных оков, наложенных на британскую столицу жестокой матушкой-природой.

Изо всех сил они боролись с постоянным чувством холода, пытаясь всевозможными способами сохранить остатки жизненного тепла в своих вечно коченеющих телах, в несгибающихся пальцах рук и тяжелых неповоротливых стопах. Многим из горожан удалось выжить. Но было много и тех, кто проиграл схватку с ужасным монстром. Они тихо засыпали, скованные ледяным сном, или умирали от воспаления легких, сгорая во всепожирающем пламени лихорадки.

Весь Лондон изнывал от вторжения смертельного холода, но в покоях лорда Сноу топили лучше, чем во дворце самой английской королевы. Да и как можно было плохо топить в доме человека, гостями которого были богатеи лондонского Сити, что прочно держал в своих руках все финансовые нити британской империи! Эти важные люди очень часто посещали дворец снежного лорда, дабы

встретиться в его стенах с тем или иным государственным деятелем и, сидя перед жарким камином, в беседе с глазу на глаз обсудить тот или иной волновавший их вопрос.

Конечно, верховная власть в Британии находилась в руках высокородных лордов и королевы, за здоровье которых простые англичане ежедневно возносили утренние молитвы. Но в не меньшей степени ею владел и тот круг людей, чьи сокровенные мешки и сундуки были наполнены золотом и серебром, накопленными в результате торговой и банковской деятельности. Ведь недаром самая главная карта в колоде – король – неизменно бьется тузом, который, как говорят, в переводе с одного из языков означает «денежный мешок».

Именно с финансовыми тузами Британской империи в столь трескучие, ледяные морозы февраля и был вынужден встречаться министр внутренних дел лорд Пальмерстон в доме лорда Сноу. Сам сэр Генри весьма недолго любил хозяина дворца. Королевский министр за глаза называл лорда выскочкой, поскольку тот приобрел высокий титул при помощи денег и протекции. Никогда скверно говорящий по-английски немецкий барон из захудалого княжества Брауншвейг не смог бы стать высоким лордом, не обладай он крепкими связями во дворце и деньгами, полученными за посредничество от торговцев и банкиров.

Так рассуждал государственный деятель, много лет верой и правдой служивший интересам своей страны, однако если нужные ему люди пожелали назначить встречу в доме лорда Сноу, он не мог противоречить их желанию. Ибо для реализации высоких замыслов Пальмерстона нужны были деньги, деньги и еще раз деньги. Таковы были жестокие реалии жизни, о которые разбился не один корабль планов и надежд.

То, что четверо господ, восседающих в высоких креслах перед жарким камином, обладают звонкой монетой, было видно с первого мгновения, едва сэр Генри переступил порог обеденной залы в сопровождении лорда Сноу. Это было ясно не потому хозяйственному жесту, коим один из гостей выпроводил из залы хозяина дома, к тайной радости Пальмерстона. И не по дорогому платью, золотым часовым цепочкам или перстням с драгоценными камнями, наличие которых господин министр успел отметить краем глаза у сидевших перед камином людей.

О высоком достатке неизвестных говорили их осанка, голоса и глаза. Ибо осанка их была властной, голоса были голосами людей привыкших отдавать приказы

другим, а взгляды их были взглядами равных сэру Генри людей, если не по происхождению, то уж точно по положению.

Именно осанка и голос позволили министру выделить главного среди сидевших у огня людей. Им оказался невысокий коренастый человек совсем неблагородной наружности, с блеклыми серыми волосами. Трое других гостей, сидевшие в высоких дубовых креслах, произвели на Пальмерстона более благоприятное впечатление. Однако уверенность, с которой первый человек шагнул навстречу лорду и его голос со звоном стального клинка, прикрытого бархатными ножнами, моментально развеяли заблуждения сэра Генри на тему, кто есть кто.

– Мы весьма рады, что господин министр нашел время для встречи со скромными подданными английской королевы по их просьбе, – любезно молвил коренастый, и сидевшие в креслах незнакомцы почтительно засвидетельствовали лорду Пальмерстону свое почтение.

– Может быть, после холода улицы милорд желает выпить грога или глинтвейна? Любезный хозяин снабдил нас этим добром с избытком, – учтиво молвил курчавый крепыш с золотой серьгой в ухе, указав на ломберный столик, уставленный бокалами и ведерками для напитков.

– Вы очень любезны, мистер...

Высокий лорд сделал выразительную паузу, и крепыш моментально поспешил ему на помощь:

– Мистер Хикс, меня зовут Абрахам Хикс, милорд.

– Благодарю вас, мистер Хикс, но я хотел бы с вашего позволения выпить глоток грога чуть позже, – произнес сэр Генри.

– Как вам будет угодно, милорд, – молвил Хикс, обменявшись быстрым взглядом с коренастым гостем, сидевшим по правую руку от него. – Тогда, может быть, сразу перейдем к делу?

– Именно это я и хотел бы вам предложить, джентльмены, – многозначительно сказал Пальмерстон, и все направились к огромному обеденному столу, за которым могло уместиться еще несколько подобных компаний.

– Позвольте представиться, милорд. Меня зовут Самюэль Барклай, это мистер Питер Фарроу, это мистер Джойс Хендерсон, – представлял коренастый купец своих товарищей, степенно склонявших свои головы перед лордом.

Сэр Генри также отвечал им сдержанным кивком. Все было чинно и благородно, без лишней суеты, которую, как известно, большие деньги весьма и весьма не любят.

– Все здесь присутствующие являются представителями торговых кругов и банковских сфер, чья деятельность в той или иной мере связана с торговлей со странами Востока. В частности, в наших руках находится большая часть британской торговли с Турцией, Персией, Хивой, Бухарой и Кокандом. И мы очень насторожены последними действиями русского императора по отношению к Османской империи. Ни для кого не секрет, что эта держава серьезно больна множеством внутренних недугов, не позволяющих турецкому султану эффективно управлять своими обширными землями. Рано или поздно наступит момент, когда «больному человеку Востока» волей или неволей придется отказаться от своих владений, как в Европе, так и в Азии. И первым, кто хочет завладеть османским наследством, является русский царь, что только спит и видит, как захватить Константинополь и проливы, – произнес Барклай, демонстрируя господину министру свою высокую осведомленность в дипломатических делах Европы. – Мы мирные люди и хотим только одного – права на свободную торговлю по всему миру. И больше ничего! Но желание русского царя присоединить к России черноморские проливы наносит смертельный удар по нашей персидской торговле. Сейчас основной поток английских товаров идет в Персию через турецкий Трапезунд. Это самый безопасный и короткий путь в земли великого шаха, на котором у нас все отлажено до мелочей. Ни один турецкий и персидский чиновник, ни один солдат не смеют косо посмотреть на нашего представителя.

От последних слов голос купца наполнился гордостью, в которой зазвенели стальные нотки.

– Однако если русские приберут проливы к рукам, это будет означать конец всей нашей черноморской торговле. Случись подобное несчастье, и нам придется

направлять наши караваны через Сирию и Ливан и далее через земли месопотамских курдов. А это крайне разорительно для мирных купцов, ведь в этих районах власть османов всегда была скорее номинальной, чем действительной, – с горечью молвил Барклай, и его лицо наполнилось вселенской скорбью от одного только упоминания о возможных убытках. – Мы попросили вас о встрече, так как хорошо знаем вашу значимую роль в нынешнем правительстве, а также вашу твердую позицию в отношении этих северных варваров. Скажите, милорд, королева сможет защитить интересы ее верных подданных или нет? – спросил высокий гость, и четыре пары глаз тревожно уставились на Пальмерстона в ожидании ответа.

Хорошо, когда люди остро нуждаются в тебе, а когда ты выступаешь в роли их спасителя, это приятней во сто крат. Именно таким спасителем и ощущал себя в этот момент сэр Генри.

– Могу со всей ответственностью сказать вам, джентльмены, что у английской королевы и нашего правительства нет более важной задачи, чем защита интересов Британии и ее подданных, – величественно молвил министр, и напряженные взоры его собеседников сразу смягчились. – Что касается намерений русского царя, то они нам давно известны, благодаря отличной работе наших дипломатов. Николай действительно собирается в этом году захватить Стамбул и проливы, но смею заверить вас своей честью, что из этой затеи у него ничего не получится. Мы готовимся нанести ему упреждающий удар такой силы, которая уничтожит все его царство.

– Даже так?! – восхищенно воскликнул мистер Фарроу, не веря своим ушам.

– Да, господа, именно так и никак иначе. Вместо легкой прогулки за турецким наследством русского царя ждет жестокий разгром, позорная капитуляция и заключение мира на наших условиях, – торжественно изрек сэр Генри, изо всех сил стараясь придать своему лицу невозмутимость римского претора, вещающего диким варварам волю великого Цезаря.

Однако это у него не совсем удачно получалось. Высокий пафос отчетливо присутствовал в голосе лорда, но заинтригованные его словами слушатели не обратили на это особого внимания. Услышав часть важной тайны, они очень хотели услышать ее продолжение, однако правила этикета встречи не позволяли им озвучить свое желание, дабы не уронить свой статус в глазах гостя. Сам сэр Генри также не торопился раскрыть своего рта. Ведь он был

королевским министром, а не какой-то там базарной кумушкой, торопливо спешащей пересказать своей знакомой все узнанные ею последние новости.

В комнате воцарилась напряженная тишина. Все с нетерпением поглядывали друг на друга в ожидании, кто первым прервет затянувшуюся паузу. Им оказался господин королевский министр. По большому счету, он мог не продолжать начатого разговора, ибо уже дал исчерпывающий ответ на заданный ему банкирами вопрос. Однако сэр Генри был весьма заинтересован в деньгах людей, сидящих перед ним. Ведь именно деньги заставили высокого лорда покинуть свой дом в эту зимнюю стужу.

– Если джентльмены хотят, то для вашего полного спокойствия и спокойствия ваших компаньонов я могу более подробно ввести вас в курс планов предстоящей войны, – доверительным тоном произнес лорд, и, к его тайной радости, каждый из собеседников торопливо кивнул головой. Господа банкиры надежно проглотили аппетитную наживку под названием «большая тайна», и Пальмерстон приступил к действиям.

– Обычно от людей, посвященных в столь важную государственную тайну, требуют клятв молчания, однако я не буду делать этого. И не потому, что не верю вашему слову, господа. Совсем наоборот. Просто с этого момента ваше молчание будет равноценно золоту самой высокой пробы. Отныне любое слово, вольно или невольно сказанное вами постороннему человеку, обернется разорительным убытком вашим компаниям и интересам.

Говоря так, сэр Генри умело закручивал пружину интриги, словно завзятый ярмарочный факир, выступавший перед почтеннейшей публикой, пришедшей в его балаган, чтобы увидеть настоящее чудо. Пальмерстон требовательным оком посмотрел на господ финансистов, как бы предоставляя им последний шанс хорошенько подумать, прежде чем перейти Рубикон познания большой государственной тайны, но это оказалось излишним.

– Значит, в скором времени будет большая война с русскими, сэр? – спросил Барклай, уверенно сжигая за всей своей компанией мосты к отступлению.

– Да, именно большая война, мистер Барклай. Война, которая по своей силе и масштабности превзойдет знаменитый поход императора Наполеона 1812 года, – начал уверенно вещать перед зрителями господин министр.

– Однако, как показал опыт этого похода, с русскими нужно быть чертовски осторожным. Начиная войну с ними, император Наполеон имел под своим началом свыше полумиллиона солдат, а к ее концу командовал лишь десятью тысячами, большую часть которых составляла не участвовавшая в боях императорская гвардия, – настороженно молвил Хендерсон.

Но у сэра Генри уже был готовый ответ.

– Пусть вас не волнует судьба армии покойного властелина французов. Сегодня во главе похода на Россию стоит королева Виктория, коей благоволит Божественное провидение. И не надо скептически улыбаться, мистер Фарроу. Я сказал о Провидении, и это не просто так оброненные всуе слова! Сегодня самый благоприятный момент для нападения на Россию, поскольку ее армия и флот по своей силе значительно уступают армии и флоту ее величества! – властно промолвил господин министр, бросив холодный взгляд в сторону банкира. – Благодаря Божьим помыслам и гению английской мысли наша страна на сегодняшний день по любому виду промышленности и в первую очередь по вооружению далеко опережает любую страну Европы, а тем более Россию. На данный момент почти все корабли флота ее величества – это либо пароходы, либо паровые корветы, тогда как русский флот – сплошные парусники, а число их пароходов можно пересчитать по пальцам одной руки!

Для убедительности высокий лорд даже потряс перед собеседниками растопыренными пальцами руки.

– Вы скажете, что русские никогда не были сильны на море, и будете правы, но и на сухопутном фронте мы далеко обошли их. Сегодня большинство английских солдат вооружены нарезными штуцерами, тогда как русские пехотинцы имеют исключительно гладкоствольные ружья. Благодаря этому факту наши солдаты могут свободно поражать не только ряды вражеской пехоты, но даже его орудейную прислугу, находясь вне зоны ответного огня, – говорил Пальмерстон, пытаясь потрясти воображение своих слушателей.

Однако это оказалось трудной задачей.

– Приятно слышать, господин министр, что армия ее величества превосходит своего главного врага вооружением. Однако не стоит забывать, что император Николай имеет в своем распоряжении самое большое войско в Европе, способное

своей численностью просто растоптать все британские полки, – внес в беседу свою лепту сомнения Хикс, но он не застал Пальмерстона врасплох.

– Как человек, не понаслышке знающий положение дел в нашей армии, я совершенно не согласен с прозвучавшим здесь сомнением. Пусть наши регулярные силы не столь многочисленны, как дикие орды русского царя, однако война с Наполеоном наглядно доказала всему миру, что именно наши солдаты являются лучшими. Именно они, под командованием славного британского народа герцога Веллингтона, наголову разбили под Ватерлоо армию Наполеона, тогда как князь Кутузов лишь заставил его отступить из России. Перед британским фельдмаршалом разбитый монарх сложил свой скипетр, тогда как русским достался только его походный сервиз, – сказал сэр Генри тоном старого школьного учителя, просвещающего молодую поросль. – Впрочем, мне вполне понятны ваши опасения относительно численности русских армий, но спешу сообщить вам, что наши солдаты не будут одиноки в этой войне. Главная тяжесть в предстоящей войне ляжет не на их плечи.

– И кто же будет тогда главной ударной силой? Австрийцы? Пруссаки? Сардинцы? А может, как при короле Георге, будем покупать ганноверцев для подавления американского бунта? Или, может быть, турки? Но учтите, господин министр, русские очень хорошо наловчились их бить! – раздались со всех сторон колкие реплики.

Слышать их для Пальмерстона было унижительно, но он любезно предоставил денежным мешкам возможность поупражняться в остроумии, а затем изрек:

– Нет, господа, вы, как всегда, не угадали. Главной ударной силой этой войны будут французы, чей император спит и видит, как смыть позор, нанесенный русскими его дяде. Это у него идефикс.

– И как дорого обойдется королевской казне французское пушечное мясо? – быстро спросил Хендерсон, презрительно скривив рот. – Новый властитель Парижа наверняка попытается взвинтить цену на своих солдат, чье мастерство определенно уступает солдатам Бонапарта.

– Вы несправедливы к моему французскому другу, господа. У его солдат есть хороший боевой опыт войны в Алжире, который, вопреки мнению многих скептиков, все же стал французской колонией. Сегодня стяг императора

Франции развеивается рядом с нашим стягом, но если бы вы знали, каких трудов стоило мне уговорить Наполеона забыть старые обиды и принять нашу сторону против русского царя!

– Я слышал, что во многом этому помог сам Николай, когда отказался признавать во французском императоре своего венценосного брата, – подпустил шпильку Барклай, но лорд ничуть не смутился.

– Да, это правда. Но именно благодаря моим усилиям этот камешек раздора породил то, чего в истории Европы никогда не было! Военный союз двух самых сильных держав в мире. Отныне нет в мире такого государства, которое смогло бы устоять против мощи нашей Антанты! – торжествующе произнес Пальмерстон и слегка зарделся от гордости за творение своих рук.

Ранее подобного союза в Европе действительно никогда не было, ибо Англия и Франция всегда находились по разную сторону баррикад. Это известие потрясло господ финансистов до глубины души, однако высокий лорд продолжил раскрывать государственные секреты, ибо главная задача еще не была решена.

– Как вы понимаете, господа, главным оружием нашего союза является флот. Именно с его помощью мы нанесем свои разящие удары, и первой, кто испытает на себе их силу, будет русская Балтика. Сначала наши моряки изгонят русские гарнизоны с Аландских островов, которые тут же будут возвращены шведам. Этот хитрый ход по двигнет короля Оскара присоединиться к нашему союзу в надежде вернуть себе Финляндию. Будет очень хорошо, если шведы начнут войну за страну озер, но даже если они лишь стянут свои войска к границе, то это тоже неплохо. Так или иначе, но Николай будет вынужден направить часть своих сил для охраны своих северных рубежей.

Пальмерстон на секунду замолчал, давая слушателям проследовать за ходом своей мысли, а затем продолжил:

– Пока русский царь будет занят противостоянием королю шведов, наш флот нанесет свой главный удар по Кронштадту. За один день могучие орудия наших кораблей разнесут бастионы этой крепости по кирпичику. Находящийся в нем русский флот будет уничтожен, подобно тому, как герцог Веллингтон уничтожил датский флот, а Петербург разделит печальную участь Копенгагена. Руины русской столицы мы также отдадим шведам, и прорубленное царем Петром окно

в Европу будет навечно заколочено. Стоит ли говорить, что гибель главного флота страны и ее столицы вызовет волну недовольства в русском обществе и непременно породит заговоры против царя. Для русского дворянства это обычное дело, желающие поднять бунт среди них всегда найдутся.

– Однако русский царь опытный боец по части подавления бунтов, а на роль столицы он может выбрать Москву или Киев. Ведь эти города раньше уже были русскими столицами, – блеснул своими познаниями русской истории и географии Фарроу.

– Все верно, но свой главный удар мы нанесем по России со стороны Черного моря. С турецким султаном уже достигнуто секретное соглашение о пропуске наших паровых кораблей через проливы, с одновременной передачей под руку союзного командования турецкого флота. Хотя он и парусный, но в борьбе с севастопольским флотом России лишним не будет. Захотят ли русские адмиралы помериться силой с нашей великой армадой в открытом бою или укроются в своей крепости, это не так важно. Все русские корабли отправятся на дно, где им самое место! – воскликнул Пальмерстон и яростно ткнул пальцем в пол, явно подразумевая преисподнюю. – Как только русский флот будет уничтожен или блокирован в Севастополе, на берег будет высажен союзный десант, главным костяком которого будут французы и турки. Наши силы будут представлены двумя дивизиями и кавалерией. Одновременно с этим будет поднято восстание местных татар, которое дезорганизует общее положение на полуострове. Не пройдет и месяца, как весь Крым будет в наших руках. Севастополь будет захвачен нашей армией ударом с суши, флот адмирала Лазарева будет уничтожен, и окно в Европу, открытое Екатериной, также будет уничтожено.

– Bravo, лорд Пальмерстон! Bravo! От лица всех компаний я снимаю перед вами шляпу, но все же у нас остается маленькое сомнение. Неужели император Николай будет безропотно смотреть на все ваши действия и не попытается пресечь их? Вы меня простите, но он мало похож на мальчика для битья, – продолжал сомневаться Фарроу, но Барклай перебил его:

– Бросьте сомневаться, Питер! Разве вам не ясно, что у нашего дорогого лорда уже припасен очередной сюрприз для русских? Я не прав, сэр Генри?

– Полностью и бесповоротно правы, мистер Барклай. У русского царя большая армия, но ее силу можно уменьшить, разбив на несколько частей. И при этом не извлекая саблю из ножен, – важно произнес господин министр. – Эта важная

задача будет возложена на плечи наших потенциальных союзников по Европе, венский и берлинский двор. Мы рассчитываем, что Австрия и Пруссия присоединятся к нашему союзу ради получения своего куска от русского пирога. Через наших дипломатов мы пообещали пруссакам Курляндию с Лифляндией, а австрийцам валашские княжества и устье Дуная.

Пока монархи центральных держав еще колеблются, но для начала им будет достаточно объявления своего несогласия с русской политикой на Балканах и сосредоточить на границах свои армии. Если к этому прибавить восстание поляков, которое они собираются поднять в Варшаве, то Николай вряд ли сможет направить против нашего десанта в Крыму большие силы.

– Но у русских еще есть армия, стоящая на Кавказе. По мнению уважаемых мною людей, это одна из лучших армий русского императора, – возразил Хендерсон, но его вопрос вызвал у лорда только снисходительную улыбку.

– Мы подумали и об этой проблеме, господа. Кавказская армия русских будет нейтрализована нашими азиатскими союзниками. Уже сейчас в Карсе, на границе с Россией, создается армия вторжения под командованием Амин-паши. Когда начнется война, она перейдет границу и устремится на Кавказ, где в Черкессии к этому моменту вспыхнет восстание имама Шамиля. Под началом этого непримиримого вождя горцев, уже много лет проливающего кровь русских солдат в обмен на наше оружие и деньги, состоит многотысячная армия воинов, готовых умереть по его приказу. Нет никакого сомнения в том, что, оказавшись под двойным ударом с севера и юга, кавказская армия русских если не погибнет, то будет полностью отрезана от главных сил империи.

– И что же дальше?

– Дальше? Когда бунты и восстания растащат по углам все силы русского императора, союзная армия покинет Крым и двинется по югу России в направлении Воронежа. К этому моменту мы надеемся получить поддержку украинских казаков, чьи предки во главе с гетманом Мазепой поддержали шведского короля Карла в войне с Петром. С их помощью наш поход на Воронеж будет легкой прогулкой.

– А почему, сэръ, точкой нашего наступления вглубь России выбран Воронеж, а не Киев? – спросил Хикс.

– По мнению наших генералов, из этой точки удобно угрожать одновременно и Киеву, и Москве. Но, скорей всего, до похода на эти города дело не дойдет. Когда мы достигнем Воронежа, император Николай будет вынужден просить мира. И он получит его на наших условиях. Россия лишится Финляндии, Прибалтики, Польши, Бессарабии, Крыма и Кавказа.

– Джентльмены! Предлагаю выпить за нашу победу! – воскликнул Фарроу и проворно подкатил ломберный столик.

Купцы дружно подняли бокалы и выжидательно посмотрели на Пальмерстона. Высокий лорд взял бокал с грогом и громко произнес:

– Я хочу выпить, господа, за победу европейского разума над азиатской дикостью, культуры над варварством, сил свободы над силами деспотизма. За нашу королеву Викторию и за наш флот, который вместе с армией преданно охраняет наши постоянные интересы!

Гости лорда Сноу быстро осушили бокалы и налили снова. От услышанного и выпитого кровь быстрее застучала в их сердцах. Легкость, с которой Пальмерстон разобрался с русским императором, вскружила им голову, однако господа негоцианты еще не утратили свою хватку.

– Но сдаётся мне, что это еще не все, милорд? – спросил Барклай, не сводя с господина министра проницательных глаз.

– Вы снова правы, мистер Барклай. Есть еще кое-что, что может заинтересовать вас, – ответил Пальмерстон, и его слова вызвали огромный интерес у купцов. – Мы считаем, что если уж бить русскую гидру, то надо рубить ее под самое основание. Для этого надо навеки запереть этих дикарей в дремучих пределах Тартарии, полностью отрезав от любого выхода к морю. Ведь кроме Балтики и Черного моря у них есть еще два незамерзающих порта, Архангельск и Петропавловск-на-Камчатке. Через эти северные и восточные окна русские могут торговать с Европой, Китаем и Америкой, продолжая угрожать британским интересам, – молвил сэр Генри, величественно скрестив руки на груди. – Королева Виктория считает, что эти порты следует не просто разорить, их нужно отторгнуть в пользу Британии, вместе с прилегающими к ним землями. И передать их в пользу британских компаний, например, Норд-Азиатской и Ост-Азиатской.

Говоря это, сэр Генри радостно отмечал, как ярким огнем наживы загорались глаза его собеседников.

– Скажите, милорд, а насколько реальны эти планы? – спросил Барклай, судорожно сжимая в руке опустевший бокал.

– Более реальны, чем вам это может показаться, – величественно произнес лорд. – Посудите сами. Крупных воинских соединений в Архангельске и Петропавловске никогда не было и, согласно сведениям наших дипломатов, не будет. Там только малочисленные гарнизоны крепостей, с которыми легко справится наш флот с десантом на борту. Представьте себе, господа – с одного удара под нашу руку отходят территории вдвое большие, чем наши Индии вместе взятые. На севере мы займем все побережье Белого и Баренцева моря, а на востоке – всю Камчатку, Чукотку и побережье Охотского моря.

– А Аляску? – сварливо спросил Хэндерсон.

– Очень хорошо, что вы упомянули о ней, сэр. Русская колония в Америке весьма малочисленна, и с ней можно легко справиться при помощи индейских племен колошей. У губернатора Британской Колумбии с ними хорошие связи, и уговорить их напасть на Новоархангельск и остров Ситху не составит большого труда. Надо будет только хорошо заплатить.

– И сколько? – настороженно поинтересовались негоцианты.

– По нашим подсчетам, сто пятьдесят тысяч фунтов стерлингов.

– Такие огромные деньги! – чуть ли не хором воскликнули торговцы, но лорд Пальмерстон холодно осадил их:

– Для бакалейщика из Ист-Энда или клерка из Сити это действительно огромные деньги, но никак для совладельцев двух новых торговых компаний, почетным пайщиком которых будет сама королева Виктория!

– Помилуйте, милорд, но на такие деньги можно оснастить целый флот! – не сдавался Фарроу.

– Именно целый флот, господа, который покорит русский Север и Камчатку и объявит их владениями английской короны.

– Но все равно, сто пятьдесят тысяч фунтов – это очень большие деньги, даже для нас, – молвил Барклай, и Пальмерстон с пониманием кивнул головой.

– Королева Виктория хорошо понимает это, мистер Барклай, и потому ограничила первичный взнос сорока пятью тысячами фунтов.

Это известие вызвало одобрительный гул среди денежных тузов Британии. Лишь один Фарроу сварливо произнес:

– По-моему глубокому убеждению, нам не стоит раскошелиться на ружья и порох для индейцев, господа. Ведь полностью отрезанный от метрополии русский гарнизон в Ново-Архангельске будет вынужден капитулировать даже перед простым капером, которого мы туда пошлем. Не правда ли?

Слова Фарроу были немедленно поддержаны остальными совладельцами новых торговых компаний, спешивших уберечь от грядущих трат свои деньги.

– Как вам будет угодно, господа, – примирительно сказал сэр Генри, а про себя подумал: «Видит Бог, совесть моя чиста. Деньги даны только на захват Архангельска и Камчатки. Значит, русская Америка отойдет Гудзоновской компании Канады, которая давно зарится на эти земли».

В этот день господин министр еще долго беседовал с гостями лорда Сноу, яростно отстаивая озвученную сумму начального капитала будущих азиатских компаний. Да и как было сэру Генри не ломать копыя, если он имел с нее свои кровные три процента.

Был уже поздний вечер, когда торги закончились, прощальный бокал был выпит и лорд Пальмерстон отправился домой. Там он засел за составление доклада о своей встрече, адресованного лорд-канцлеру, ее тайному организатору и вдохновителю.

Сидевший на мешке с английской шерстью чиновник остался весьма доволен результатами деятельности Пальмерстона.

– Не думал, сэра Генри, что они так быстро согласятся финансировать наши приготовления против русских. Отдаю должное вашему мастерству убеждения, – молвил лорд-канцлер, ознакомившись с докладом своего тайного эмиссара.

– Если быть честным, то решающую роль сыграло не столько мое скромное искусство ритора, сколько скрытое желание этих людей быть вовлеченными в государственные дела. Если бы вы только видели, с какой жадностью поглощали они мои слова о наших тайных приготовлениях к войне! Вне всякого сомнения, это были одни из лучших минут в жизни господ финансистов. Кроме того, возможность обогатиться на наших будущих колониях в России также сделала свое дело.

– Надеюсь, что ваше откровение с господами банкирами носило сугубо ознакомительный характер? – настороженно спросил лорд-канцлер, но Пальмерстон поспешил его успокоить.

– Ровно в тех границах, что вы обозначили на нашей последней встрече, милорд. Никаких дат и имен, исключительно общие черты, – заверил собеседника сэра Генри с невозмутимым лицом, хотя в своей беседе с банкирами он далеко перешагнул границы, обозначенные лорд-канцлером. Исповедуя ту истину, что цель оправдывает средства, господин министр всегда делал только то, что считал нужным, без оглядки на чужое мнение или запрет. – Однако и этого хватило с лихвой, чтобы наши денежные мешки ощутили свою причастность к великим делам королевства и с радостью открыли перед нами свои сундуки. Первые платежи должны состояться уже на этой неделе.

– Отлично, сэра Генри. С помощью этого золота мы сможем полностью реализовать все наши планы против русских. Подобно амазонской анаконде, мы сокрушим императора Николая, охватив стальным кольцом блокады все морское побережье России. Парализовав ее торговлю, мы нанесем сокрушительный удар по российской земле владельческой элите. Не имея возможности сбывать на внешнем рынке продукцию своих хозяйств и закупать предметы роскоши, она будет требовать от царя скорейшего завершения войны.

– Превосходный план, милорд. Он позволит сохранить жизни нашим солдатам и усилит наши мировые позиции перед Францией и Америкой.

– Какие новости от сэра Джеймса? Он по-прежнему уверенно контролирует турецкого султана и его двор? Сможет ли он успешно противодействовать князю Меншикову, который по приказу царя должен отплыть в Константинополь со дня на день? Королева Виктория очень обеспокоена этим известием.

– Ее королевское величество может быть спокойной. За последнее время влияние Британии на владыку Константинополя ничуть не уменьшилось, а даже увеличилось. Особенно благодаря письму королевы, а также отправленным ею подаркам. Абдул-Меджид пришел в сильный восторг от вида парадной люстры, что прислала ему ее величество. В своем послании сэр Джеймс сравнивает этого азиата с маленьким ребенком, впервые увидевшим рождественскую елку.

– Значит, будем считать, что турки откажут русскому императору в вопросе о проливах и тогда в дело вступят пушки. Что сообщают наши доброжелатели из Петербурга о готовности России начать войну?

– Весь высший свет России очень желает, чтобы император начал войну с султаном, занял Константинополь и освободил православные святыни от власти турок. Предприимчивые поэты уже пишут стихи и оды по этому случаю, – едко подчеркнул Пальмерстон.

– Да, у русских религиозный вопрос играет очень большую роль, в отличие от просвещенной Европы, и это сильно вредит им, – снисходительно молвил лорд-канцлер. – Вопрос о святых местах Иерусалима уже помог нам окончательно рассорить русских и французов, теперь же он должен подтолкнуть царя Николая к началу войны. Думаю, будет нелишним, если сэр Патрик в беседе с русскими вельможами выразит наше понимание озабоченности их правительства столь важным для страны вопросом.

– Это будет совсем не лишним, милорд. Обманутый сладкой лестью, русский медведь окончательно угодит в нашу западню, из которой ему уже не выбраться, – произнес Пальмерстон, и на лицах обоих собеседников промелькнули довольные улыбки.

– Единственное, что меня настораживает в этом вопросе, сэр Генри, это то, что нам придется воевать с противником с приставленным к ноге оружием, – озабоченно произнес лорд-канцлер. – Всегда приятнее иметь дело с неподготовленным к войне неприятелем.

– Ваши опасения, милорд, беспочвенны. Русская армия готова только к войне с турками, а никак не к войне с двумя сильнейшими странами мира. Вот если мы им дадим фору в пять-шесть лет, тогда это действительно будет другая армия. Тогда будет гораздо труднее сплотить просвещенную Европу для выступления против азиатского деспотизма, посмевшегося диктовать ей свои условия по восточному вопросу.

Примерно в это же время в далеком и заснеженном Петербурге император Николай держал совет с канцлером Нессельроде, который пользовался у него особым расположением. Угодливой лестью, умением угадывать, в какую сторону склонится воля императора по тому или иному вопросу, Карл Васильевич сумел не только втереться в полнейшее доверие к государю, но и устранить всех потенциальных соперников.

– Австрийский и прусский двор полностью на нашей стороне в конфликте с французами по вопросу о святых местах, государь. Об этом министры Австрии и Пруссии, как и было обещано, официально заявили французским послам на прошлой неделе. Это обстоятельство лишний раз доказывает, что в вопросе о проливах они также поддержат все наши действия, направленные против Турции, – преданно глядя в глаза Николаю, заверил его канцлер.

– Очень хорошо, – удовлетворенно кивнул головой монарх. – Следуя твоему совету, я имел беседу с британским послом сэром Сеймуром и подробно пояснил наши намерения в отношении наследия «больного человека». Наши намерения занять проливы и Константинополь не встретили с его стороны никаких возражений. Он также с пониманием отнесся к тому, что мы намерены добиться полной свободы для дунайских княжеств, Болгарии, Греции, Сербии и Армении.

Честно говоря, я ожидал от него бурных протестов, но ничего этого не было. Сеймур с радостью принял мои заверения, что мы считаем Египет, Крит, Кипр, а также Палестину и Сирию землями британского влияния. Вместе с этим я намекнул о возможном присоединении к ним и Месопотамии, что вызвало у него радость. Он обещал мне незамедлительно известить о нашей беседе Лондон и дать ответ на мои предложения. Мне кажется, что наши с Англией планы следует оформить каким-нибудь соглашением по Турции. Слова словами, а бумага бумагой.

– Вот видите, как все прекрасно обстоит, ваше величество! – радостно защебетал канцлер. – Император Наполеон никогда не посмеет выступить

против воли четырех государств, которые нанесли сокрушительное поражение его великому дяде.

– Все это хорошо, но я хочу решить все это дело миром, без пролития крови моих солдат. Думаю, будет правильно, если мы объясним всю ситуацию турецкому султану, который будет вынужден подчиниться воле великих государств Европы.

После этих слов императора у Нессельроде, не ожидавшего подобного поворота событий, тревожно забегали глаза.

– Для столь важной и ответственной миссии нужен умный и преданный человек, ваше величество. Возможно, эту миссию можно будет поручить графу Алексею Федоровичу Орлову или графу Павлу Дмитриевичу Киселеву. – Как опытный царедворец, канцлер предложил царю на выбор две кандидатуры и был готов в случае необходимости вытащить из кармана еще пяток, но этого не потребовалось. У государя был свой кандидат на роль посла в Константинополь.

– Нет! – решительным голосом произнес император. – К султану поедет светлейший князь Меншиков.

– Но Александр Сергеевич не дипломат, – попытался переубедить Нессельроде, однако государь остался тверд в своем решении.

– Меншиков поедет к султану, – безапелляционным тоном повторил царь, и канцлер покорно увял. Многих опасных соперников он сумел отвадить от персоны государя, но светлейший князь был непотопляемой фигурой в окружении Николая.

Сам светлейший князь был своеобразной фигурой, которая, занимая высокие государственные посты, полностью им не только не соответствовала, но и не пыталась исправить положение. Так, находясь двадцать лет на посту начальника морского ведомства, он поражал моряков своим полным незнанием дела, ровно как, занимая пост финляндского генерал-губернатора, он не интересовался Финляндией дальше своего кабинета.

Такую профессиональную непригодность князя перевешивали два других качества, которые были очень важны в глазах императора. Во-первых, Меншиков

был абсолютно предан своему государю, а во-вторых, занимая важные государственные посты, будучи богатым человеком от рождения, Александр Сергеевич никогда не воровал государственных денег. В этом плане он был белой вороной в императорском окружении, в рядах которого подобное чудачество князя вызывало улыбку и удивление. В ответ Меншиков платил тем, что откровенно презирал и не ставил ни в грош все окружение царя, жестко и язвительно издевался над ними.

Именно этому человеку Николай поручил отвезти свое личное послание турецкому султану, и тот с готовностью взялся за это.

Глава II

Миссия в Стамбуле

Заговор послов

Будучи человеком простым и незамысловатым, перед тем как появиться в турецкой столице с царской миссией, светлейший князь решил придать своему визиту элемент силы.

«Эти турки уважают только одну силу, силу штыка и пушки. Только этим можно окончательно сломить их упрямство в нежелании слушать государя и заставить отвечать на его вопросы прямо и откровенно, без всякого лукавства», – считал Меншиков и по большому счету был абсолютно прав. «Больной человек» имел парализованную волю и ради сохранения целостности своего государства был вынужден лавировать между Западом и Россией. И большим аргументом, способным склонить турецкого султана в ту или иную сторону, была армия.

Перед своим прибытием в Стамбул Александр Сергеевич завернул в Кишинев, где провел смотр четвертому и пятому армейскому корпусу Южной армии. Грозный вид войск вселил боевой дух в душу князя, но этого ему показалось мало. Из Бессарабии он отправился в Севастополь, где устроил смотр всем кораблям Черноморского флота, и только потом, сев на военный пароход «Громоносец», отправился в Стамбул, где его ждал неприятный сюрприз.

Все дело заключалось в том, что сразу после доверительной беседы английского посла с царем Лондон заменил своего посла в Турции. По настоянию Пальмерстона им стал господин Рэдклиф, имевший личную обиду на Николая. В свое время государя отказался принимать его послом в Петербурге, и теперь время отщепенца для британца настало. Ведя чисто английскую политику, новый посол на словах признавался в горячей любви к императору и клялся русскому послу, что совершенно не помнит зла на события пятнадцатилетней давности. И одновременно энергично заверял французов, что Британия полностью на их стороне в споре за «святые места».

Прибыв в Стамбул, Рэдклиф нанес визит султану Абдул-Меджиду и великому визирю Мехмеду-Али. Передав главным лицам подарки от королевы Виктории, Рэдклиф стал сладкоголосо нашептывать туркам, как коварен и опасен русский император. Сжигаемый личной обидой и страстным желанием отомстить российскому монарху, англичанин ловко создал устрашающую картину, умело вплетая тонкие нити правды в толстые жгуты лжи.

Руководствуясь старой английской поговоркой о том, что, садясь ужинать с чертом, запасись длинной ложкой иначе останешься без еды, Рэдклиф постоянно твердил, что русскому государю и его посланнику нельзя ни в чем верить.

– Спор русских с французами из-за «святых мест» – это отнюдь не спор о религии, а скрытая попытка царя Николая подчинить Османскую империю своей власти. Ему нужны отнюдь не пещера в Вифлееме, а повод для войны со Стамбулом, и ставки в ней будут очень высоки. Николай намерен не только сделать Молдавию, Валахию, Сербию и Черногорию русскими провинциями, но и отобрать у блистательной Порты все армянские земли, что находятся в ее владении от Черного до Средиземного моря. Однако и это еще не все. Царь хочет исполнить мечту своей бабки Екатерины и взять под свой контроль Проливы и Стамбул, – с убедительной достоверностью пугал Рэдклиф султана, и это ему хорошо удавалось.

– Единственное, что сможет остановить русского медведя и спасти Турцию, – это союз Блистательной Порты с просвещенной Европой в лице Англии и Франции. Наш могучий паровой флот сможет урезонить аппетиты русского царя и сохранит целостность ваших границ, как на западе, так и на востоке.

– И что попросят император Наполеон и королева Виктория взамен этой военной поддержки? – резонно поинтересовался султан, хорошо помня, что европейцы просто так ничего не делают.

– Ровным счетом ни-че-го, – важно отчеканил посол. – Наши государи готовы оказать Стамбулу эту поддержку, руководствуясь не корыстной выгодой, а лишь стремлением остановить Россию в ее намерениях произвести раздел Порты. Мы прекрасно понимаем, что подобные действия приведут к возникновению сначала множества мелких конфликтов, а затем и большой войны по всей Европе. О масштабах этого кровопролития можно только догадываться, и наша святая задача – не допустить подобного!

– Да благословит вас Аллах за вашу мудрость и проницательность, господин Рэдклиф, но если случится так, что Николай не испугается вашей угрозы и пойдет напролом, что тогда? – правомерно спросил султан. – Турецкая армия не сможет в одиночку победить русскую армию.

– Его величество может не беспокоиться по этому поводу. Государи Франции и Великобритании готовы послать свои войска на помощь султану и вместе разбить Южную армию русских.

– А что с Кавказской армией? Пока мы будем воевать с русскими на западе, они могут проникнуть в Армению, захватить азиатские владения империи и подойти к Стамбулу с востока, – живо напомнил Рэдклифу положение дел повелитель правоверных.

– Ваше величество, я не военный человек и не могу ответить вам на все ваши вопросы, связанные с военным делом. Подобные тонкости дела не мой удел. Королева Виктория и лорд Пальмерстон доверили мне миссию известить вас о надвигающейся на вас угрозе с севера и предложить объединить наши усилия в борьбе с ней. И прошу поверить, что за моей спиной стоят реальные силы. Реальный флот и армии готовы выступить против Николая и защитить вашу страну, если на это будет ваше согласие.

Слова английского посла уверенно проникали в уши султана, но тот, следуя заветам своих предков, не спешил полностью и во всем доверять и полагаться на европейских союзников. «Русский гяур такой же опасный враг Порты, как и европейские франки. Все они только и хотят, что разрушить нашу империю и

поработить турецкий народ. Ни одному из них нельзя доверять, но нужно использовать их соперничество в своих целях», – говорили наследнику престола его учителя, и Абдул-Меджид хорошо запомнил их слова.

Не говоря ни да, ни нет, он соглашался с Рэдклифом, негодовал по поводу планов коварного русского императора и стал терпеливо ждать прибытия в Стамбул Меншикова. Перед принятием окончательного решения султан желал выслушать обе стороны.

Если британцу удалось посеять зерна сомнения в душе и сердце султана, то с великим визирем успехов у посла было куда меньше. Вместе с Рашид-пашой Мехмед-Али стоял за исключительно дипломатические способы разрешения возникших в государстве проблем. Визирь с восточной учтивостью слушал посла, восхищался его подарками, благодарил английскую королеву, внимательно слушал доводы англичанина, послушно кивал головой вслед его речам, и ничего не делал. Визирь, так же как и султан, ждал приезда Меншикова.

Ждали приезда царского посланца и послы Европы, в первую очередь Франции и Англии. Первый по поручению императора Наполеона затеял спор о главенстве церковей над святыми местами и получил в этом вопросе поддержку со стороны султана. Все это было сделано с целью публичного унижения русского царя, для которого вопрос религии был очень значителен.

Второму нужен был повод для втягивания России в войну. В ней, по британским замыслам, Петербургу должна была противостоять вся Европа, чья мощь в разы превосходила ту силу, что обрушилась на нее в 1812 году.

– Судя по тому, что царь отправил на переговоры с султаном князя Меншикова, чей дипломатический политес сравним с проворством слона в посудной лавке, можно сделать вывод, что Николай ищет повода для объявления войны туркам, – начал свою беседу с послом Рэдклиф, но тот имел по этому поводу свое мнение.

– Я бы не стал бы так прямолинейно судить о намерениях русского императора, – не согласился француз. – Скорее всего, Николаю просто надоели уговоры и увертки, и он решил снять перчатку и ударить кулаком по столу.

– Поражаюсь вашему спокойствию, сэр, – притворно удивился англичанин. – А вы не предполагаете, что, испугавшись русского стука, султан отменит свое

решение по святым местам, и ключи от Вифлеемской пещеры отдадут русским? Что вы тогда будете докладывать императору?

Рэдклиф полагал, что бьет в слабое место француза, но там находилась твердая защита, так как недавно прибывший в Стамбул англичанин был плохо посвящен в последние новости турецкого двора и его окрестностей.

– Хочу успокоить вас, мой друг, – лучезарно улыбнулся француз. – Серебряная Вифлеемская звезда с гербом императора уже прибыла в Палестину, и в самое ближайшее время ее установят на куполе пещеры. Я, конечно, не исключаю возможности того, что султан вдруг отменит свое решение и первенство за «святыми местами» отдадут русским, но тогда Порта лишится наших офицеров-инструкторов, которые уже прибыли в Турцию по просьбе Абдул-Меджида и с согласия императора.

– Но, по-моему, есть куда более важные вопросы, в которых турки могут уступить под давлением Меншикова, – это уступка русским права контроля прохода иностранными судами через Проливы, – вновь ударил Рэдклиф, и теперь его удар был куда чувствительнее.

– У вас есть конкретные сведения о том, что Меншиков будет требовать от султана права контроля над проливами?

– А разве это не так? Со времен падения Константинополя русские только и делают, что пытаются вернуть себе византийское наследство. У императрицы Екатерины не получилось это сделать силой, так теперь ее внук хочет сделать это дипломатическим путем, так сказать, в два этапа.

Француз прекрасно понимал всю спорность слов Рэдклифа, но не стал с ним спорить. Он ведь не нанимался в адвокаты к русскому императору.

– С одной стороны, хотелось бы иметь более точные и достоверные данные о миссии князя Меншикова. Согласитесь, что одних предположений и логичных рассуждений в нашем деле крайне недостаточно. Однако моя страна не против поддержать султана в трудных переговорах с русскими, вселить него уверенность и твердость.

Француз замолк и многозначительно посмотрел на собеседника, как бы желая знать от него, чем королева Виктория готова помочь туркам в этом важном для Европы вопросе.

– Самый лучший способ вселения уверенности в себе при споре турок с русскими – это их военная поддержка. – Англичанин ловко вернул пас собеседнику, но тот лишь сокрушенно улыбнулся.

– К сожалению, подготовка экспедиционного корпуса еще не началась, а наш флот стоит в Марселе, и для того чтобы сдвинуть его с места, нужен приказ императора, – это было сказано с таким подтекстом, что знающий человек сразу должен был понять – дело не столько в императоре Франции, сколько в неготовности флота к боевому походу.

Открытая послом информация не совсем соответствовала действительности, но француз не спешил открыть Рэдклифу все свои карты.

– Зато наш флот уже покинул Мальту и в скором времени должен достигнуть Дарданелл, если только этому не помешает погода, – важно произнес британец, довольный тем, что утер носу зазнавшемуся француз.

Обида была явной, но тот не показал вида.

– Очень хорошо. Думаю, что султан не будет возражать, если в качестве демонстрации силы он войдет в Мраморное море и встанет на якорь у Принцевых островов. Надеюсь, у него есть паровые корветы? – легко уколол француз Рэдклифа. – Согласитесь, чтобы пусть даже заочно противостоять линейным кораблям русского флота, нужны паровые суда.

– В нашем флоте корабли почти исключительно паровые, – с достоинством короля, как само собой разумеющееся отчеканил британец.

– Искренне рад за ваше адмиралтейство и королеву. У нас флот пока имеет только половину на половину, – учтиво улыбнулся француз. – Очень надеюсь, что вид ваших паровых кораблей волеет силы в султана и его окружение.

– Я в этом нисколько не сомневаюсь, но будет лучше, если эта акция будет представлена султану как совместные действия наших стран.

– Я полностью разделяю подобную точку зрения, но должен согласовать свои действия с Парижем.

– Думаю, что ваш министр иностранных дел господин Валиевский будет в восторге от вашего доклада. – В реакции занимавшего этот пост этнического поляка по матери Рэдклиф нисколько не сомневался.

– Господин министр, безусловно. Но последнее слово во внешней политике всегда за императором, – одернул собеседника француз, и Рэдклиф не стал с ним спорить. Главное для него на данный момент возбудить в турках упрямство, что должно взбесить Меншикова и дать желанный повод к войне.

Светлейший князь не обманул надежд и ожиданий британца. Едва приехав в Стамбул, он стал действовать агрессивно, идя напролом во всех вопросах.

Первым его шагом был отказ наносить визит министру иностранных дел Фуаду-эфенди, противнику России и стороннику сближения с Францией. Напуганный министр выразил готовность встретиться с Меншиковым во время его визита к великому визирю, но этого не случилось.

Перед тем как нанести визит к Мехмеду-Али, Александр Сергеевич потребовал, чтобы тот встречал его у дверей своего дворца, что было откровенным нарушением дворцового этикета. Когда же князю доложили, что его требования невыполнимы, то он решил, что на прием к визирю вместо парадного мундира наденет гражданское платье.

Дальше – больше. Поговорив с великим визирем, Меншиков вышел в коридор и, не посмотрев на ждущего там при полном параде министра иностранных дел, вышел вон и покинул дворец. Напуганный столь дерзким поведением, а также известием о развертывании в Бессарабии двух армейских корпусов на следующий день, султан отправил в отставку Фуада-эфенди и на его место назначил Рифат-пашу.

Ободренный этими действиями султана, Меншиков продолжил нажим. При встрече с Абдул-Меджидом он отдал властителю Порты письмо царя, в котором

тот упрекал султана в передаче ключей от Вифлеемского храма французам и позволении установить звезду, изготовленную во Франции, на его куполе. Все эти действия Николай приписывал дурным советчикам, окружавшим султана, и призывал его проявить благоразумие.

Информация о требованиях Николая потекла к Рэдклифу рекой, но британский посол не спешил вмешиваться. Он считал, что на данном этапе событий страх турецкого правителя был очень полезен британской короне, так как напуганный грозным рыканьем Меншикова султан проявил бы большую сговорчивость в разговоре с английским послом.

Примерно такую же позицию занимал и посланник Наполеона III: увидев, что светлейший князь своим поведением льет воду на мельницу европейских держав, он не торопился приободрить Абдул-Меджида.

Решающей стала вторая встреча Меншикова с султаном, когда посланник Николая передал новое требование русского царя, по сути являющееся продолжением предыдущего послания. В нем Николай требовал от султана признать право императора вмешиваться в турецкие дела для защиты его православных подданных: греков, болгар, сербов, молдаван и валахов. Все это царь хотел закрепить в форме договора между двумя странами, что являлось большим ущемлением для турецких интересов.

Тон письма и манера поведения князя вызвали еще больший страх и раздражение у турецкого султана. Роковой в этом разговоре стала фраза Меншикова о том, что русскому царю достаточно отдать приказ и русский флот в течение сорока восьми часов окажется у Босфора с десантом на борту.

Эти слова окончательно подорвали силы султана, и он отправил своего министра на тайную встречу с французским и британским послом. Оба европейца действовали в отношении Рифат-паши согласно заранее достигнутым договоренностям. Они вежливо приняли посланца султана, посочувствовали ему в плане поведения Меншикова, но ни один из них не предложил турку помощь и защиту от северного соседа, как это было раньше.

Напротив, оба посла выразили озабоченность положением турецких дел и в один голос заговорили о возросшей силе русского медведя. На все просьбы турецкого министра повлиять на Николая европейцы отвечали уклончиво и неопределенно.

Они, не говоря Рифат-паше ни да, ни нет, не закрывали дверь перед носом турка, но при этом не подавали ему никакой ясной и твердой надежды. Выражаясь простым языком, послы доводили турок до кондиции, после наступления которой от правителя Порты можно было требовать все что угодно в обмен на помощь и поддержку против действий русского царя.

Держа единый фронт против Николая, послы двух великих держав не забывали играть ту партию, что была выгодна именно их государству. Так, француз сразу после визита Рифат-паши дал секретную телеграмму в Париж, и не прошло и суток, как французский флот покинул Марсель, держа курс на Архипелаг. Франция не собиралась отдавать в грядущих событиях пальму первенства англичанам, ведь по количеству паровых кораблей флот его императорского величества совсем немного уступал флоту английской королевы.

Развязка событий наступила после того, как, следуя инструкции царя, Меншиков отдал султану третье послание императора Николая, в котором тот предлагал Абдул-Меджиду заключить военный союз против третьей стороны, под которой подразумевалась Франция. В противном случае император намеревался заключить военный союз с Австрией при поддержке Пруссии.

Подобный расклад сил покоился на докладе канцлера Нессельроде о состоянии дел с двумя германскими государствами, коих он числил в верных союзниках Российской империи.

Третье послание по мнению царя и его канцлера должно было полностью сломать турецкого султана и подчинить его воле императора. Измученный страхами правитель Порты был готов пойти на это, но тут в дело вмешались сидевшие в засаде господа послы. Быстро и качественно утерев сопли повелителю правоверных, они уверили султана, что его страна не останется один на один с северным соседом. Две великие европейские державы были готовы поддержать Абдул-Меджида не только словами, но и силой оружия в случае, если он решит отказать императору Николаю в удовлетворении его требований.

Более того, они заверили султана, что венский двор совсем не собирается плечом к плечу выступать вместе с русскими против Порты. У императора Франца-Иосифа свои взгляды на происходящие вокруг Османской державы события, и они совершенно не совпадают с взглядами Петербурга.

В качестве доказательства была организованная тайная встреча министра иностранных дел Порты с австрийским послом, который если не в полной мере подтвердил слова Рэдклифа, то не опроверг их.

Вернувшийся к жизни и повеселевший султан воспарил духом. Страхи ушли прочь, и повелитель сераля собрался дать достойный ответ Меншикову, но Рэдклиф категорически запретил ему это делать. С этого момента британец прочно взял в свои руки процесс переговоров Стамбула с Петербургом, и султан только повиновался его воле.

Для начала был подготовлен фирман, по которому Абдул-Меджид признавал право православных священников на ключи от храма в Вифлееме, первоочередность в проведении в нем религиозных обрядов и самостоятельность в действиях по его содержанию. Одним словом, это было то, чего требовал царь от турок в своем первом письме.

Подобные действия султана вызвали сильное негодование со стороны французского посла, но Рэдклиф заверил его, что данный фирман не будет иметь никаких реальных последствий в вопросе о святых местах. Британец был в этом абсолютно уверен, так как текст фирмана был подготовлен лично им и имел один подводный камень, миновать который светлейший князь никак не мог.

На другой день Меншиков действительно заявил туркам решительный протест, так как в фирмане не было никаких гарантий со стороны султана на то, что дарованный султаном приоритет для православных священников не будет изменен по прошествии времени.

В тот день турки дали ответ на второе послание Николая. В нем султан признавал за русским императором статус покровителя православных народов, находящихся в подданстве Порты, но при этом в фирмане не было ни слова о праве царя вмешиваться в дела исповедовавших православие. Также ничего не было сказано о готовности султана подписать с императором договор по этому поводу.

Как и следовало ожидать, Меншиков подал протест и на этот документ, сопроводив его подачу грозными упреками и предупреждениями. Главная суть их заключалась в том, что царский посланник дал туркам ровно десять дней для

внесения в документ требуемых им поправок.

Эти слова князя вновь возродили в душе султана погасшее было пламя страха, успокоить которое удалось лишь сообщением о том, что корабли британского и французского флота находятся в водах Эгейского моря и только и ждут сигнала прибыть к Принцевым островам.

Узнав об этом, Абдул-Меджид успокоился, и так хорошо, что, несмотря на недавние страхи, проявил характер. Хорошо помня заветы предков о том, что белых гяуров следует держать на расстоянии, султан не дал согласия на ввод европейских кораблей в Мраморное море. Подобные действия могли привести к потере лица султаном, и Рэдклиф не стал настаивать. На данный момент его устраивало, что владыка двух святынь беспрекословно выполнял все его рекомендации в переговорах с русскими.

В них возникло затишье, обусловленное временем на размышление, данным князем туркам, и британец решил открыто обозначить свое присутствие в этом деле. На следующий день он отправился на прием в русское посольство для встречи со светлейшим князем.

Помня личную неприязнь императора к несостоявшемуся послу Англии в России, Меншиков не стал принимать Рэдклифа, сославшись на нездоровье. Весь разговор с британским послом вел помощник князя, но по большому счету для посла это было даже хорошо. Послу не стоило больших трудов разыграть перед ним ловкий спектакль. Рэдклиф с большим волнением вещал Озерову о той озабоченности, которую породили у англичан последние действия России. Признавая за царем безусловное право иметь свои интересы в балканских делах, посол говорил о том, что военные силы, скопившиеся на границе с Турцией в Бессарабии, вызывают опасения и пугают Лондон.

Кроме этого, посол попросил через Озерова встречу с князем, чтобы заверить того, что Англия не будет вмешиваться в войну русских с турками и не окажет материальную и военную помощь султану.

Это была излюбленная тактика англичан, когда, ошибочно надеясь на помощь Альбиона или на его мнимый нейтралитет, европейские страны совершали трагические ошибки, порождавшие кровавые войны. Так, Франция в 1870 году вступила в войну с Пруссией, а германский кайзер начал Первую мировую войну.

Породив ложную надежду в умах русских дипломатов, Рэдклиф стал ждать их реакции и очень быстро дождался. Поверив, что англичане останутся «нейтральными» в споре России с Турцией, князь с удвоенной силой стал нажимать на турок, на что и надеялся хитрый англичанин.

Не дожидаясь истечения срока ультиматума, князь отправился к султану и потребовал от него изменений в турецком правительстве. В частности, Меншиков хотел видеть нового великого визиря и нового министра иностранных дел. Первый, по мнению князя, проявлял симпатии к венскому двору и поэтому открыто заявил о своей неготовности вступать в военный союз с Николаем против турок. Второй в глазах светлейшего был недостаточно боек в составлении фирманов, отвечавших желанию государя императора.

Никогда прежде русский посланник не диктовал свою волю турецкому падишаху так, как диктовал ее Абдул-Меджиду Меншиков, и тот, с согласия Рэдклифа, покорно исполнил ее. Вместо Мехмета-Али визирем стал Мустафа-паша, а место Рифат-паши занял Решид-паша. Этим самым турки демонстрировали свое стремление к мирному диалогу с Россией при агрессивных действиях царского посланника.

Французский посол Лакур в своих донесениях к императору Наполеону сравнивал князя с провинциальным дикарем, по ошибке попавшим в высокое общество дипломатов. Хотя, будь он сам на его месте, все аналогичные действия французского посла были бы признаны вполне приемлемыми, под девизом «белый человек выше азиатов».

Итоги всех этих перестановок Меншиков ожидал увидеть в полном удовлетворении всех требований русского царя, но, к его огромному разочарованию, этого не произошло. Вначале Решид-паша попросил у князя еще шесть дней для полной подготовки документов, а по истечении срока известил, что заключение договора между султаном и царем означает для Турции потерю суверенитета и эти требования не приемлемы.

Разгневанный Меншиков объявил о разрыве дипломатических отношений между Стамбулом и Петербургом.

– Слова моего государя оказались для вас малоубедительными?! Хорошо, тогда, надеюсь, вступление наших армий в Дунайские княжества окажется более

убедительным аргументом для вас! – высказал князь свое недовольство в лицо турецкому министру и приказал перевезти его вещи на «Громоносец».

Столь стремительные действия князя вновь ввергли султана в панику, и только заверения Рэдклифа и Лакура в том, что Англия и Франция не оставят Порту без военной поддержки, смогли привести Абдул-Меджида в чувство.

Для большего успокоения во дворец к султану был вызван австрийский посол, который вновь подтвердил ранее сказанные слова о нежелании Австрии выступать единым фронтом с Россией против Стамбула, чем окончательно успокоил властителя сераля.

Все это время венский дипломат отчаянно лавировал между Сциллой и Харибдой. Испытывая сильное давление со стороны Лакура, угрожавшего поддержкой Францией претензий Сардинского королевства на Ломбардию и Венецию, являвшихся австрийскими владениями, дипломат слал Меншикову письма с пониманием и одобрением политики русского царя.

Перед самым отплытием «Громоносца» из Стамбула на борт корабля прибыл Решид-паша. Министр передал ему слова султана, готового издать новый фирман, дающий гарантии греческому патриарху на все, что желает царь для православной церкви, и даже специальный договор с Россией, уступающий ей место для построения русской церкви и странноприимного заведения в Иерусалиме. Это был новый шаг Рэдклифа, являвшего всей Европе стремящихся к миру турок и охваченного упрямством и яростью Меншикова.

Как и ожидал британский дипломат, князь отверг эти предложения султана, потребовав исполнения воли русского императора в полном объеме. В ответ министр вновь заговорил о потере Турцией суверенитета, после чего турка попросили с корабля. 21 мая князь покинул Стамбул, так и не исполнив миссии, возложенной на него государем.

Глава III

Бей барабан! Бей!

Вторжение в Дунайские княжества в июне 1853 года осуществили два армейских корпуса под командованием генерал-адъютанта князя Михаила Горчакова. Общая их численность не превышала восьмидесяти пяти тысяч человек, тогда под ружьем у противостоящего ему турецкого генерала Омер-паши было сто сорок пять тысяч солдат, с иррегулярной кавалерией башибузуков в придачу. Кроме них в состав турецкого войска входил отряд поляка Чайковского, который после принятия ислама стал называться Садык-пашой. Ненавидя Россию с молодых ногтей, он с согласия командующего занимался активной вербовкой среди живших вдоль Дуная раскольников-некрасовцев, бежавших из России в разное время по религиозным причинам.

Все это войско находилось по ту сторону Дуная и представляло собой серьезную силу. За время правления отца Абдул-Меджида турецкая армия обзавелась не только приличной артиллерией, но и получила нарезное оружие.

Вступление русских войск в Дунайские княжества, находившиеся под протекторатом России, не было началом войны, а являлось лишь нарушением одной из статей прежнего мирного договора между двумя государствами. Естественно, Австрия, как непосредственный сосед этих территорий, объявила протест Николаю по поводу этих действий, но каких-либо последствий этот протест не имел. Заняв Бухарест, Горчаков, следуя инструкции царя, не предпринимал никаких попыток переправиться через Дунай и вступить в схватку с турками.

Появление русских войск на Дунае, по мнению царя, должно было подтолкнуть христианские племена сербов, черногорцев, болгар и греков к массовым восстаниям против своих угнетателей. Помня, как греческое восстание в Морее помогло русскому войску в разгроме турок, император очень надеялся на помощь христианских народов, но этого не произошло. К середине девятнадцатого века одной только религиозной агитации было мало, чтобы, позабыв обо всем, славяне Балкан бросали все свои дела, брали в руки оружие и начинали воевать против своих поработителей. Да, сербы, черногорцы и болгары ненавидели турок. Много старых счетов и много кровавых страниц было в истории их отношений, но этого оказалось недостаточно, чтобы летом 1853 года за спиной у стоящих на Дунае турок вспыхнуло мощное восстание. Братя-славяне были готовы поддержать освободительный поход русских войск на Стамбул, но не хотели проливать свою кровь первыми.

Сидящему в Петербурге императору все казалось, что в Болгарии и Сербии вот-вот вспыхнут огни восстания, и тогда можно будет с чистой душой начинать освободительный поход, но этого не произошло. Целых три месяца Николай никак не мог избавиться от сладких иллюзий панславянского братства и потерял драгоценное время для того, чтобы пройти кратчайшим путем от берегов Дуная до стен Царьграда. Вместо того чтобы стремительно наступать, захватив врага врасплох, русская армия топталась на Дунае, надеясь напугать турецкого султана фактом своего присутствия. Однако ее пребывание не оказало должного воздействия.

Едва только стало известно, что русская армия пересекла Прут, Пальмерстон и Наполеон отдали приказы о переброске своих кораблей к берегам Дарданелл. Этим они вселяли в Абдул-Меджида дополнительную уверенность в том, что он не останется один на один с русским царем.

Стояние на Дунае самым благоприятным образом сказалось на армии турок. Омер-паша их полностью отмобилизовал, привел в боевую готовность и к концу июля уже был полностью готов к началу боевых действий с гяурами.

Все свои войска турецкий главнокомандующий разделил на четыре части. Одну из них он был вынужден держать в устье Дуная напротив Измаила, другая была сосредоточена в районе Силистрии. Третья находилась вблизи Рущука, а что касается четвертой части турецкого войска, то она прикрывала самый западный фланг Дунайских княжеств. В ее задачу входило недопущение прорыва русской армии на сербскую территорию. Появление Дунайской армии под Нишем или Белградом привело бы к мощному восстанию славянских племен на Балканах, но этого не случилось. Государь с Нессельроде ждали, а генерал Горчаков не смел напомнить Николаю о плане Паскевича, который старый фельдмаршал разработал на случай войны с турками.

Будь на месте Михаила Горчакова, который большую часть своей жизни провел в штабе за работой над бумагами и привык хорошо выполнять чужую волю, чем блистать идеями, другой, более энергичный и честолюбивый генерал, все было бы по-иному. Тогда удалось бы доказать императору пагубность стояния на Дунае с мечом в руке в ожидании восстания славян в турецком тылу, а также то, что количество дней, благоприятствующих наступлению на Стамбул, стремительно сокращается, а в своем нынешнем состоянии армия воевать зимой не готова. Именно этот фактор и сыграл решающую роль, когда в октябре месяце война между Турцией и Россией была официально объявлена, но поход

за Дунай так и не состоялся.

Единственным человеком, который мог бы спасти положение и остановить сладкие речи канцлера, был фельдмаршал Паскевич. Государь всегда ставил его на первое место среди своих советчиков и никогда не шел против его мнения, однако князь Варшавский полностью отстранился от ведения войны на Балканах. Сидя в столице Царства Польского, он хмуро наблюдал за событиями на Дунае, и у подобного поведения были свои причины. Он никак не мог простить государю приказ к подавлению Венгерского восстания 1848 года. Даже когда посланник австрийского императора прилюдно падал перед ним на колени и целовал руки, взывая спасти гибнущую империю, Паскевич был резко против помощи австрийцам.

По его мнению, вмешательство России в австрийские дела могло быть только при соблюдении Веной ряда условий. Все они были тщательно изложены фельдмаршалом на бумаге, и император был с ним, как всегда, согласен. Согласна с ними была и австрийская сторона, но вот только согласие это было только на словах. Ссылаясь на угрозу распространения «революционной заразы» на польские земли, канцлер Нессельроде сумел уговорить Николая дать приказ о вводе войск, не дожидаясь письменных договоренностей. Император поверил своему венценосному кузену на слово, в чем была его трагическая ошибка. После подавления восстания все обещания были благополучно забыты или, точнее сказать, «затерты» благодаря усилиям канцлера.

– Не стоит наступать на мозоль молодому австрийскому монарху. Сейчас у него не самый благоприятный момент для выполнения данных им ранее обещаний, – настойчиво жужжал в августейшее ухо Нессельроде. – Венский двор всегда будет помнить, кому именно он обязан своим существованием.

Это же неоднократно говорили императору австрийский посол в России, имперский канцлер Меттерних и сам молодой император Франц-Иосиф, и царь дал себя уговорить, не будучи от природы вредным и злопамятным человеком.

Жест по прощению долгов был чисто русским жестом. В отличие от русского монарха европейские властители все свои дела тщательно записывали и скрупулезно требовали денег за свое благодетельство. А если не получали, то не стеснялись об этом напоминать, а если не помогало, то громко стучали по столу кулаком. Дружба дружбой, а табачок врозь, Европа.

В отличие от канцлера, Паскевич с самого начала знал, что за пылкими обещаниями и горячими слезами австрийцев скрывалось зло, которое никогда не простит русскому императору своего публичного унижения и позора.

Поэтому, когда только появились первые предвестники новой войны с турками, фельдмаршал высказал опасение, что в этом конфликте придется не столько воевать с турками, сколько ждать удара в спину со стороны австрийцев. Сказано это было открыто и внятно, и всем было ясно, в чей огород был этот камень.

Говоря эти слова, фельдмаршал не столько упрекал канцлера, погрязшего в австрофилии, сколько проверял готовность государя к изменению внешней политики империи. Николай смолчал и после этого, что было воспринято Паскевичем как слабость, неготовность проводить новую линию в отношении Вены. По этой причине он демонстративно отказался от поста командующего Дунайской армией, ограничившись только разработкой плана грядущей войны.

Сказанные фельдмаршалом слова об австрийской угрозе имели для Дунайской армии плачевные последствия. Михаил Горчаков воспринял их не как предостережение, а как непреложную истину, которая непременно должна исполниться. С момента начала войны он не предпринял никаких боевых действий, которые должны были если не прорвать турецкую оборону вдоль Дуная, то держали бы врагов в постоянном напряжении, заставляя думать их об обороне, а не о наступлении.

Ничего этого генерал Горчаков не сделал и получил закономерный и вполне ожидаемый удар от неприятеля. Видя откровенную пассивность со стороны русских, Омер-паша сам перешел к активным действиям и ударом через Дунай прощупал крепость позиций противника. Воспользовавшись тем, что Горчаков разместил все свои силы ровным слоем вдоль всего фронта, паша нанес удар по наиболее слабому, западному флангу русских. И тут во всей красе предстала профессиональная непригодность генералов Дунайской армии.

Лучшим проявлением этого стала откровенная трусость генерала Данненберга, который своими невразумительными приказами о невмешательстве позволил туркам сначала захватить важный остров на Дунае, а затем переправиться на русский берег в районе Ольтеницы. Когда же турки стали угрожать положению Валашскому отряду, генерал отдал приказ о штурме вражеских позиций и лично прибыл к месту сражения.

Лучше бы он этого не делал. Следуя плану атаки, штурмовые колонны пошли на вражеские укрепления по открытой местности вдоль дунайского берега, вместо того чтобы пробираться к ним через заросли. Едва только пехотинцы бросились в атаку, как подверглись двойному огневому удару. По ним палили пушки с ранее занятого турками острова и вели огонь орудия, установленные врагом на валу Ольтеницких укреплений. Ядра и шрапнель наносили урон русским солдатам, но, несмотря на это, они не только не отступили, но даже ворвались в укрепления противника.

В завязавшейся рукопашной схватке турки дрогнули и, бросив орудия, стали отступать к лодкам на берегу Дуная. Победа была уже в руках, но в этот момент генерал Данненберг отдал приказ об отступлении.

Возмущенные отступлением от Ольтеницы офицеры стали обвинять своего командира в предательстве и требовали суда над ним, но генерала взял под свою защиту Горчаков. В письмах к Паскевичу и Николаю он заявил, что Данненберг действовал абсолютно правильно, так как стремился сохранить количество потерь, которые были весьма значительными.

Стоит ли удивляться, что подобное поведение командующего Дунайской армией ослабило боевой дух русских солдат и придало дерзости противнику. Ободренный «победой» под Ольтеницей, в конце декабря Омер-паша решил ударить в районе Калафата, ранее занятого турками благодаря «невмешательству» генерала Данненберга.

На этот раз целью турок был отряд тобольцев под командованием полковника Баумгартена. Превосходя силы отряда в несколько раз, турки попытались выбить русских из селения Четати, а затем окружить и уничтожить.

Оказавшись в трудном положении, солдаты Тобольского полка храбро сражались с противником, отражая одну его атаку за другой. Во время одной из них, преследуя отступающего противника, они уткнулись в глубокий ров, за которым находилась артиллерийская батарея противника. Не желая терять время для поиска обходных путей и боясь упустить возможность уничтожить врага, солдат Никифор Дворников залез в ров и приказал своим товарищам идти прямо через него.

– Так быстрее будет, ребята! – крикнул отважный солдат, и его товарищи бросились вперед.

Более пятидесяти человек перебрались через ров, когда Дворников потребовал вытащить его из рва, чтобы вместе с другими атаковать противника.

В результате смелой атаки турецкая батарея была захвачена, пушки заклепаны, а лафеты изрублены. Столь смелые действия смогли уменьшить натиск противника на русские позиции и помогли тобольцам продержаться до подхода помощи.

Едва две роты Одесского полка ударили туркам в тыл, как они прекратили атаки и стали отступать по направлению к Калафату. В силу своих возможностей, поредевшие ряды тобольцев и одесситов пытались преследовать уходящего противника и наносили ему урон.

Он мог быть в разы больше или вообще бы обернулся для турок полным разгромом, если бы не бездействие кавалерии графа Анрепа. Прибыв слишком поздно к месту сражения, кавалеристы только наблюдали за отступлением врага, не предпринимая никаких действий в его отношении.

И вновь офицеры стали обвинять своего командира в измене, и вновь виновный не понес заслуженного наказания из-за упущенной победы. Дух уныния все сильнее и прочнее окутывал сердца и души солдат и офицеров Дунайской армии, вызывая откровенную зависть к успехам Кавказской армии.

Там, среди седых вершин Кавказа, шла упорная борьба, в которой войско турецкого командира Али-паши имело перевес над войском генерала Андроникова. Подобная пропорция объяснялась тем, что в войнах с турками Кавказ всегда имел второстепенное направление, в отличие от Дуная, где, как правило, происходили главные сражения.

Новая война не стала исключением. Генерал-лейтенант Андроников имел под своим началом всего семь тысяч человек против двадцати тысяч врага, но это не мешало ему одерживать победы над противником.

Первое сражение произошло сразу с момента объявления войны. Тогда армия Али-паши вторглась на территорию российской империи, захватив подступы к

Ахалцых.

Укрепив свои позиции при помощи завалов, турецкие войска стали дожидаться подкреплений, которые уже спешили им на помощь из Карса, Ардагана и Аджара. Промедление было смерти подобно, и генерал Андроников решил штурмовать позиции врага.

Сначала в течение четырех часов стороны обменивались орудийными залпами, но они не смогли дать ощутимого преимущества ни одной из сторон. Видя это, генерал отдал приказ о вводе в бой пехотных батальонов, чьи смелые и решительные действия смогли переломить ход сражения в пользу русских.

Не обращая внимания на выстрелы картечи и ружейные залпы, русские солдаты быстро переправились через прикрывавшую вражеские позиции реку и завязали рукопашную схватку.

Штыковой удар русских батальонов был столь мощным, что турки не выдержали натиска и стали отступать. Не помогло даже появление в тылу батальонов сильного кавалерийского отряда противника, попытавшегося таким образом сорвать атаку на свои позиции. Шесть казачьих сотен, что прикрывали пехотинцев, разом развернулись и обрушились на врага, не дожидаясь генеральского приказа, несмотря на численное превосходство со стороны турок.

Столь отчаянная смелость и отвага, проявленные русскими солдатами и кавалеристами в этом бою, полностью перевесили чашу в пользу войск генерала Андроникова. До наступления темноты враг был полностью разбит, и русским достались богатые трофеи в виде пушек, военного снаряжения и знамен.

Между тем другой турецкий корпус под предводительством анатолийского сераскира Ахмет-паши вторгся по направлению к Тифлису и нанес поражение отряду князя Орбеляни. Обрадованный этой победой, паша отправил радостное сообщение в Карс, но едва только узнал, что к нему движется отряд генерала Бебутова, как поспешил отступить прочь с русской территории.

Вначале турки имели намерение отступить к самому Карсу, но, получив подкрепление, остановились и стали ждать приближения Бебутова.

Умело распорядившись временем, Ахмет-паша создал крепкие позиции, опираясь на которые намеревался наголову разбить русское войско благодаря численному превосходству. Кроме преимущества в людях, сераскир имел определенный перевес и в артиллерии, что, по мнению британского офицера Вудро Слейтона, находившегося при Ахмет-паше в качестве советника, обеспечивало победу турок над Бебутовым.

– У вас все шансы не только разбить отряд генерала Бебутова, но и сокрушить все могущество русских на Кавказе. Сейчас у них мало сил для обороны Закавказья, и вряд ли русский царь сможет отправить дополнительный военный контингент в этом году. Как сообщают наши агенты из Петербурга, он ведет активные переговоры с персидским шахом, усиленно подбивая его напасть на земли Западной Армении и тем самым отвлечь на себя часть ваших сил. Пока между ними идет торг, вам надо успеть разбить Бебутова, ударить по Тифлису и, захватив его, положить конец присутствию русских на Кавказе.

– Наверняка русские хорошо укрепили Тифлис, и его можно успешно оборонять небольшими силами. К тому же на его защиту встанут грузинская милиция и добровольцы, – высказал опасение Ахмет-паша, но Слейтон быстро развеял его опасения.

– Не беспокойтесь, – снисходительно усмехнулся британец. – По моим сведениям, на Тифлис уже двинул свои многотысячные войска дагестанский горец Шамиль. Со дня на день он должен приблизиться к городку Закаталы и захватить его, после чего пойдет на Тифлис. Ударом с двух сторон грузинскую столицу будет легко захватить, в этом не стоит сомневаться.

Британские планы действительно имели все шансы на реализацию, но они вдребезги разбились об отвагу и смелость русских солдата генерала Бебутова. В сражении с Ахмет-пашой они наголову разгромили своего противника и сорвали все его коварные планы.

И вновь, как в сражении под Ахалцах, все дело решила не многочасовая артиллерийская дуэль пушечных батарей, а стремительный штыковой удар русской пехоты. Не добившись успехов при обстреле позиций врага, Бебутов приказал атаковать правый фланг противника и добился серьезных успехов.

Попав под удар, турецкие солдаты заколебались и стали отступать. Окончательный разгром врага произошел после того, как по турецкому флангу ударил драгунский дивизион, что привело к паническому бегству противника.

Пытаясь выровнять и спасти положение, Ахмет-паша бросил на правый фланг русских курдскую кавалерию, ставя ей задачу разгром солдат князя Чавчавадзе. В массе своей эти всадники значительно превосходили русских, но это не дало им большого преимущества.

Построившись в каре, русские солдаты не только при помощи ружей и картечи отразили все атаки противника, но и обратили в бегство все их войско. Победителям достался весь лагерь противника, вместе со всем снаряжением, припасами, пушками и амуницией.

Напуганные турки отступили и заперлись в Карсе, больше не помышляя о набегах на земли империи. Победы были полными, громкими и звучными, но они ни в какой мере не могли сравниться с той, что Черноморский флот одержал над турецкими кораблями под Синопом.

С самого начала боевых действий черноморцы под командованием Нахимова отличились тем, что смогли быстро и без потерь перебросить два полка из Крыма на кавказское побережье Черного моря для усиления Кавказской армии. Действия моряков были очень своевременны, и прибывшие полки одним своим присутствием если не сорвали наступательные планы врага, то внесли в них существенные изменения.

Обеспокоенный тем, что высаженный турками десант с берегов Анатолии полностью уничтожил русский береговой пост, князь Меншиков отдал приказ о выходе кораблей Черноморского флота в море, для недопущения переброски турками нового десанта в район Поти и Сухуми.

Услышав повеление светлейшего князя, вице-адмирал Нахимов очень обрадовался. Возможность выхода в море флота он решил использовать не столько для срыва перевозок войск противника, сколько для уничтожения вражеского флота. В этом была принципиальная разница между настоящим моряком и флотоводцем и человеком, который только числился начальником морского ведомства, но дальше своего кабинета флотской работы ничего не знал и знать не хотел.

Выведя в море все корабли Черноморского флота, Нахимов двинулся на поиски кораблей противника и в самом конце ноября нашел турецкий флот под командованием Осман-паши в бухте Синопа.

Общая численность кораблей противника составляла внушительную силу. Она равнялась семи фрегатам, трем корветам и двум пароходам, которые вызывали у Павла Степановича особую тревогу. Имея под своим командованием шесть линейных кораблей и два фрегата, Нахимов превосходил по огневой мощи не только вражеские корабли, но и береговые батареи Синопа. Однако маневренность пароходов, вооруженных двумя десятками пушек, открывала им большие перспективы в борьбе с крупными, малоповоротными линейными кораблями.

Командуй этими кораблями командир, по духу и смелости подобный самому Нахимову или кому-нибудь из его капитанам, исход Синопского сражения мог бы быть иным, как по результату, так и по потерям. Однако самым главным пароходом турок командовал англичанин Слейтон, для которого интересы турецкого адмирала и его собственные были совершенно разными.

Увидев местоположение вражеского флота, Нахимов целый день провел в маневрах возле Синопа, ожидая подхода отряда контр-адмирала Новосильского. Когда же соединение флота состоялось, Нахимов отдал приказ об атаке кораблей противника.

Согласно диспозиции флотоводца, основной удар наносил его отряд в составе линейных кораблей «Императрица Мария», «Чесма» и «Ростислав», чьи орудия были направлены на главные силы врага с флагманом турок «Аунни-Аллах» под флагом Осман-паши.

Вторая колонна кораблей под командованием Новосильского – «Париж», «Великий князь Константин», «Три святителя» – должна была вести борьбу с береговыми батареями противника. Фрегаты «Кагул» и «Кулевчи» получили от Нахимова специальное задание, заключающееся в борьбе исключительно с пароходами противника.

Следуя излюбленной тактике адмирала – ведению огня с близкой дистанции, русские корабли построились двумя колоннами и устремились прямо под дула пушек турецких кораблей и батарей, не производя ни единого выстрела.

Подобное поведение вызвало откровенное удивление и даже суеверный ужас у турецких моряков.

– Аллах повредил разум у неверных, отдавая их полностью в наши руки! – радостно воскликнул турецкий адмирал и отдал приказ об открытии огня.

Град ядер и бомб обрушились на русские корабли, упрямо шествовавшие к тому месту в Синопской бухте, что определил им в своей диспозиции адмирал Нахимов.

Главной целью вражеских канониров стал флагман «Императрица Мария», идущий во главе первой колонны, на шканцах которого стоял адмирал Нахимов. Стоял спокойно и величаво, демонстрируя всем офицерам и матросам корабля бесстрашие и полную уверенность в грядущей победе.

– А стрелки у них скверные, – с легким осуждением говорил адмирал, констатируя результаты стрельбы турок. – Наши орлы-канониры давно бы либо мачту сбили, либо пожар вызвали, а так только один такелаж и рангоут треплют.

– Побойтесь Бога, Павел Степанович! – взмолились стоявшие рядом с адмиралом офицеры. – Не ровен час, прилетит ядро и ранит вас!

– От шальной пули и ядра никто не застрахован, а стрелять надо лучше, – не согласился Нахимов, и его слова быстро обрели свое подтверждение.

Выйдя на свою излюбленную дистанцию боя, «Императрица Мария» открыла огонь по «Аунни-Аллах». По русскому флагману в этот момент вели огонь не только орудия турецкого фрегата и береговых батарей, но и стоявшего рядом фрегата «Фазли-Аллах».

Все они изрыгали на «Императрицу Марию» поток ядер, но русскому линейному кораблю ничто не могло помешать одержать победу. Уже после его второго залпа на турецком флагмане начался пожар, а после четвертого была сбита грот-мачта. С громким грохотом обрушилась она на мостик фрегата, накрыв своими парусами находившегося там Осман-пашу и сопровождавших его офицеров.

Крик ужаса прокатился по кораблям турецкой эскадры. Никто не знал, жив турецкий адмирал или нет, но сам факт падения его знамени в морские волны стал предвестником надвигающейся катастрофы. С этого момента каждый корабль вел самостоятельную борьбу с русским флотом, а каждый капитан был предоставлен самому себе и принимал решения исходя из собственной оценки обстановки.

Турецкий флот был потрясен несчастьем с «Аунни-Аллах», борта которого все сильнее и сильнее охватывали языки пламени разгорающегося пожара. Однако ни о какой панике в этот момент говорить не приходилось. Подобно хищникам, загнанным в угол и прижатым к стене, турецкие корабли оказывали яростное сопротивление, стремясь подороже продать врагу свои жизни.

Именно в этот момент одно из вражеских ядер угодило в деревянное ограждение на шканцах и пронеслось в нескольких сантиметрах от Нахимова, обдав русского адмирала градом щепок. Угроза жизни адмирала была страшной, но он ничуть не изменился, заглянув в глаза смерти. Продолжая наблюдать за боем, он только недовольно стряхнул впившуюся в рукав щепку и произнес: «Однако!», вкладывая в это слово массу всевозможных оттенков.

– Молодцы на «Константине», как треплют «Навек-Бахри», любо-дорого смотреть! – адмирал в восторге ткнул трубой в сторону вражеского фрегата, который в этот момент взорвался, получив прямое попадание в пороховой погреб.

– Виват, Истомин! А что наши канониры? – Павел Степанович с азартом посмотрел на турецкий флагман, но тот продолжал упрямо цепляться за жизнь. Лишившись мачты, объятый пожаром, он покинул свое место в бою и выбросился на берег.

Едва только борт корабля врезался в песок, как его команда дружно обратилась в бегство. Вместе с матросами флагман в спешке покинули и офицеры, бросив на произвол судьбы раненого Осман-пашу.

Словно пытаясь реабилитироваться перед любимым адмиралом, канониры «Марии» обрушились на «Фазли-Аллах», на котором уже после первого залпа были сбиты многие паруса и возник пожар.

– Да это наш бывший «Рафаил»! – воскликнул Нахимов, указывая на «Фазли-Аллах». – Бейте его, ребята, изменника! Такие корабли в плен не брать! Нам трусы не нужны!

И выполняя наказ командира, пушкари флагмана за считанные минуты вычеркнули фрегат «Фазли-Аллах» из состава турецкого флота. Объятый пламенем, он погрузился на мелководье и к концу дня сгорел дотла.

Такая же участь постигла и другие корабли османского правителя. «Великий князь Константин» и «Париж» метким огнем уничтожили несколько фрегатов и корветов противника. Все они или погибли от взрывов пороховых погребов, или выбросились на берег, спасая свои драгоценные жизни.

Оставшиеся линейные корабли «Чесма», «Ростислав» и «Три святителя» вели борьбу с береговыми батареями противника. Имея значительный орудийный перевес над противником, русские корабли медленно, но верно привели их к полному молчанию.

Когда к Синопской битве подошел отряд пароходофрегатов под командованием вице-адмирала Корнилова, сражение уже было выиграно. На их долю досталась лишь борьба с двумя береговыми батареями, которые они быстро уничтожили огнем своих орудий.

Не остались без дела и два фрегата «Кагул» и «Кулевчи», которые на протяжении всего боя готовились отразить нападение турецких парходов на корабли черноморцев. Несмотря на преимущество неприятеля в скорости, они были готовы закрыть собой путь врагу, но этого не понадобилось. Британский капитан «Таифа» предпочел скорее бежать с поля боя, чем попытаться нанести урон русским кораблям благодаря быстрому ходу своего судна.

Второй турецкий парход «Эркиле» попытался прорваться вслед за «храбрым» Слейтоном, но был потоплен огнем русских фрегатов.

Из-за многочисленных взрывов и пожаров, что возникли на борту турецких кораблей, вся Синопская бухта была объята пламенем и дымом. Языки огня были такими сильными и мощными, что дувший с моря ветер перекинул искры на берег, и вскоре весь город запылал. Для спасения Синопа от огня Нахимов приказал отправить на берег матросов с кораблей, и победители пришли на

помощь побежденным. Вместе с горожанами они весь день и всю ночь тушили пожары и оказывали помощь раненым и пострадавшим от обстрела. В их числе оказался и турецкий адмирал, которого с горящего корабля сняли русские матросы. Превозмогая боль в раненой ноге, Осман-паша отдал Нахимову свою саблю и признал себя побежденным.

Синопская битва потрясла Европу, но англичане не были бы самими собой, если бы не сумели извлечь выгоду из чужого горя. Уже на другой день после известия о русской победе Лондон и Париж лицемерно заявили, что русский медведь не сегодня-завтра захватит беззащитный Стамбул, и громогласно объявили, что готовы защищать Турцию всеми своими силами.

После гибели флота турецкий султан был готов от страха целовать руки своим европейским «спасителям», которые, пользуясь моментом, ввели свои корабли сначала в Мраморное, а затем и в Черное море.

Появление военного флота третьей державы в Черном море противоречило всем договорам по проливам. Это вызвало бурный протест Петербурга, который ведущие страны Европы нагло проигнорировали. Англичане и французы по причине открытой «русской угрозы» Босфору и Дарданеллам, а австрийцы, по причине введения русских войск в Дунайские княжества.

Приближался момент истины, который должен был назвать друзей и врагов Российской империи на континенте.

Глава IV

Сговор императоров

Для канцлера Нессельроде новый, 1854 год был самым черным годом в его длинном списке беспорочного служения государю императору. И дело было совсем не в том, что какой-то ловкий царедворец стал подкапываться под Карла Васильевича, ведь за долгое время своей карьеры канцлер извел всех потенциальных конкурентов за право шептать в ухо императору. Просто Нессельроде пожинал обильные плоды «черной» неблагодарности на той ниве,

на которой он трудился не покладая рук, не зная усталости. И называлась эта нива дипломатией, а если точнее, дипломатическими отношениями с венским двором. Не было в истории русских дипломатических отношений с Австрийской империей человека, который столько сделал для правителей Вены, сколько Карл Васильевич Нессельроде. Денно и ночью, подобно рабу на галерах, трудился канцлер над сближением Российской империи с Австрией и Пруссией. Этой навязчивой идее было посвящено само существование Карла Васильевича, видевшего в союзе трех императоров залог и процветание русского государства. Страсть к реализации этого проекта была столь поглощающей, что ради ее осуществления Нессельроде был готов пожертвовать многим, в том числе и интересами государства, которое он представлял.

Когда в конце сороковых годов вспыхнули революционные события в Австрии и Пруссии, здравый смысл подсказывал, что Россия не должна вмешиваться в события в соседних государствах. Память о Венском конгрессе, на котором победительница Наполеона оказалась в полной изоляции вчерашних союзников, просто взывала к этому. Господь Бог воздал по заслугам изменчивым австрийцам и пруссакам, и русский император должен был приказать поставить кресло в ложе, из которой было бы удобно наблюдать за развалом соседей. И в нужный момент, когда все рухнет, объявить свои исконные права на Галицию, а если повезет, то и на Восточную Пруссию, и ввести на эту территорию свои войска. Это был самый простой и эффективный ход, который не только раз и навсегда решал вопрос о воссоединении русских земель, но позволял более самостоятельно решить «восточный» вопрос. Тем квазигосударствам, что возникли бы на месте Австрийской империи и Прусского королевства, лет пятьдесят было бы не до судьбы Османской империи и находившихся под ее властью славян. Божьим промыслом императору Николаю открывалась дорога к освобождению Балкан от турецкого ига и решению проблем с проливами, но все это пошло прахом благодаря трудам Нессельроде.

Подобно пчеле канцлер жужжал и жужжал над ухом государя, убеждая его в необходимости спасения августейшего брата, жарко уверяя его в том, что венский двор не останется в долгу. Чего только не было сказано и обещано в те критические дни, когда вся Венгрия пылала, объята революционным огнем, а Берлин вышел на баррикады! Подобно человеку, сорвавшемуся с высоты, Вена громко взывала к Божьей милости и милости русского императора, который отдал приказ князю Паскевичу оказать военную помощь против повстанцев.

С этих ужасных событий прошло всего пять лет, но этого времени оказалось вполне достаточно, чтобы у венского императора наступила полная амнезия. Мягко упав после страшного падения и усиленно почесывая ушибленное место, Франц-Иосиф, а точнее сказать, министр Буоль двинул свой дипломатический корабль прежним курсом канцлера Меттерниха. Вначале это проявлялось несогласием с вводом русских войск в Дунайские княжества, а потом, по мере нарастания обострений между Россией и Францией и Англией, Вена потребовала от Николая немедленного выведения армии Горчакова.

Если бы все происходило исключительно на уровне господ дипломатов, это было еще полбеды. Однако для придания веса своим словам «верный Фриц» вдруг неожиданно загремел и забряцал оружием, что вызвало сильнейший шок у канцлера Нессельроде. Проведя беспокойную ночь и напившись валерьянки, он отправился на доклад к государю. Для престарелого канцлера этот доклад был сравним с библейскими казнями египетскими. Как он только не юлил и не изворачивался, разъясняя Николаю столь странный пассаж австрийского императора! Чем он только не объяснял неблагодарную позицию Вены, посмевавшую укусить «руку дающего»? Чего он только не придумывал вплоть до неточного перевода – и гроза миновала! К огромному разочарованию многочисленных завистников, опростоволосившийся канцлер все-таки остался на своем посту, но с неожиданным пассажем Вены нужно было что-то делать.

После того как англо-французская эскадра ввела свои корабли в воды Черного моря, следующий шаг в отношении великих держав был прост и понятен. Либо разрыв дипломатических отношений между Петербургом и Парижем с Лондоном, либо объявление войны. В этом положении необходимо было до конца выяснить позицию Австрии – на чьей стороне окажется венский двор в грядущем противостоянии «медведя и крокодила». С этой целью в Австрию был отправлен граф Алексей Орлов, который пользовался чуть меньшим доверием у государя, чем светлейший князь Меншиков. Кроме этого фактора, Алексей Орлов являлся полной противоположностью Александра Сергеевича в плане ведения переговоров. Если светлейший князь в переговорах с турецким султаном делал ставку на запугивание и стуканье кулаком по столу, Орлов предпочитал тактику посулов и уговоров.

Прибыв в Вену, он сразу встретился с рядом военных и чиновников из так называемой «русской партии», считавших, что только союз с Россией спасет Австрийскую империю от новых потрясений, как революционных, так и демократических. Под последними подразумевались сторонники

конституционной монархии, которые пять лет назад предлагали свои методы спасения престола Габсбургов.

Все они дружно заверили графа в неизменности своих позиций, но, к огромному сожалению, к их мнению не прислушались ни император Франц-Иосиф, ни министр-президент Буоль. Равно как и находившийся в отставке Меттерних, советам которого они продолжали следовать. Все трое считали, что государственным интересам австрийской империи грозила большая опасность со стороны соседей, как с востока, так и с запада. Из-за действий России на Дунае Вена видела угрозу своему влиянию на Балканах, где Австрия претендовала на боснийские земли турецкой империи, а со стороны Парижа нависла опасность вторжения французской армии в итальянские владения империи – Ломбардию и Венецию, с целью их отторжения.

Зная это, граф Орлов намеревался предложить австрийскому императору твердые гарантии помощи на случай нападения французов на Австрию в обмен на нейтралитет войск Вены в войне с Турцией. Предложение было разумным, так как действовать на два фронта сразу у французского императора не было сил и возможностей, при всех его неумных амбициях. Орлов очень надеялся на разумность австрийского императора, но так и не дождался ее.

На первой встрече с посланником русского царя Франц-Иосиф был сама любезность. Он учтиво говорил с графом обо всем, но едва разговор начинал касаться политики, император неизменно уходил от него в сторону.

Полностью карты были раскрыты на второй, главной встрече, на которой кроме императора присутствовал и Буоль. Оба австрийца, внешне сдержанные, были исполнены скрытой неприязни к русскому императору, что Алексею Орлову было совсем нетрудно заметить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/yaroslavcev_aleksandr/obmanutyi-i-oskorblenny

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)